

Л.В. Ермакова

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

Учебное пособие

Благовещенск
Издательство АмГУ
2014

Рекомендовано
учебно-методическим советом университета

Рецензенты:

Анна Владимировна Юнг, канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии и перевода АмГУ;

Татьяна Владимировна Аниховская, канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка БГПУ

Ермакова Л.В. (составитель)

Д48 Дискурсивный анализ: Учебное пособие. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. – 80 с.

В пособии представлена характеристика дискурсивного анализа как направления исследования в современной лингвистике, в котором язык рассматривается в качестве средства общения в социальном контексте для выражения определенных интенций.

Пособие предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей филологических факультетов университетов, а также всех интересующихся вопросами анализа дискурса.

ВВЕДЕНИЕ

Данное пособие нацелено на характеристику дискурсивного анализа как направления исследования в современной лингвистике, в котором язык рассматривается в качестве средства общения в социальном контексте для выражения определенных интенций.

Пособие состоит из двух частей: теоретической и практической.

В теоретической части рассматривается история становления дискурсивного анализа с учетом достижений отечественных и зарубежных исследователей в данной области. Кроме того, раскрывается методология дискурсивного анализа, дается характеристика единицам и категориям данного направления исследования.

В практической части приводятся примеры коммуникативного и интерпретативного типов дискурсивного анализа, выполненные на материале американского корпоративного дискурса и корпуса текстов американской разговорной речи (CSAE).

В заключение приводится список вопросов для самоконтроля и практическое задание по анализу дискурса.

Пособие предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей филологических факультетов университетов, а также всех интересующихся вопросами анализа дискурса.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ.

1.1. ИСТОРИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНА «ДИСКУРС». ДИСКУРС И ТЕКСТ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Понятие «дискурс» было впервые употреблено в лингвистике в качестве термина А. Хэррисом в 1952 г. В этом же году З. Харрисом был введен в употребление термин «анализ дискурса». Автор пытался распространить дистрибутивный метод с предложения на связный текст и привлечь к его описанию социокультурную ситуацию. Э. Бенвенист одним из первых придал понятию «дискурс» терминологическое значение «речь, присваиваемая говорящим». Истоки теории дискурса и методов его анализа находим также в исследованиях языкового употребления (немецкая школа П. Хартмана, П. Вундерлиха и др.), социолингвистическом анализе коммуникации (американская школа Э. Щеглова, Г. Закса и др.), логико-семиотическом описании разных видов текста (исследования А. Греймаса, Е. Ландовского и др.), моделировании порождения речи в когнитивной психологии, описании этнографии коммуникации в антропологических исследованиях [БЭСЯ, 1998, с. 137].

Известный исследователь Д. Шифрин выделяет три основных подхода к трактовке понятия «дискурс».

Первый подход, осуществляемый с позиций формально или структурно ориентированной лингвистики, определяет дискурс просто как «язык выше уровня предложения или словосочетания». «Под дискурсом, следовательно, будут пониматься два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи» [Звегинцев 1976: 170, цит. по: Макаров 86]. Многие разнообразные формально-структурные лингвистические школы объединяет сосредоточенность на анализе функций одних элементов языка и «дискурса» по отношению к другим в ущерб изучению функций этих элементов по отношению к внешнему контексту. Формалисты обычно строят иерархию

составляющих «целое» единиц, типов отношений между ними и правил их конфигурации. Но чрезмерно высокий уровень абстракции подобных моделей затрудняет их применение к анализу естественного общения.

Второй подход дает функциональное определение дискурса как всякого «употребления языка»: «the analysis of discourse is necessarily the analysis of language in use». Этот подход предполагает обусловленность анализа функций дискурса изучением функций языка в широком социокультурном контексте. Здесь принципиально допустимыми могут быть как этический, так и эмический подходы. В первом случае анализ идет от выделения ряда функций (например, по Р. О. Якобсону) и соотнесения форм дискурса (высказываний и их компонентов) с той или иной функцией. Во втором случае исследованию подлежит весь спектр функций (не определяемых априорно) конкретных форм и элементов дискурса.

В третьем подходе подчеркивается взаимодействие формы и функции: «дискурс как высказывания». Это определение подразумевает, что дискурс является не примитивным набором изолированных единиц языковой структуры «больше предложения», а целостной совокупностью функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка [Макаров 86].

В отечественной лингвистике термин «дискурс» начинает использоваться в конце 80-х гг. XX века. Интенсивное, в большинстве случаев междисциплинарное, исследование языка во второй половине XX века и выдвижение в лингвистике новых парадигм научного знания способствовали тому, что данный термин приобрел новые интерпретации и толкования.

Согласно одному из традиционных и наиболее признанных на сегодня в лингвистике определений, дискурс представляет собой «связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное

действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [БЭСЯ, 1998, с. 136-137].

Нередко термин «дискурс» рассматривается в его соотношении с термином «текст».

Текстом считается последовательность единиц любого порядка. Дискурс – это такой текст, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование (например, текст рассказа, статьи, выступления) [Борботько, 1981, с. 8]. «Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый ментальный мир» [Степанов, 1995, с. 44].

Текст определяется как вербальная составляющая коммуникации, т.е. не включающая паралингвистические и невербальные части сообщения. Тексты его языковые элементы обладают смыслом в той мере, в какой интерпретируются читателями / слушателями, опирающимися на знание мира. Этот интерпретированный текст включает логические выводы, производимые читателем и не всегда замеченные самим автором. Целостная интерпретация текста возможна благодаря его связности, смысловой цельности. Дискурсом называют речь (в частности, текст) в ее становлении перед мысленным взором интерпретатора. По ходу интерпретации воссоздается мысленный мир, в котором, по презумпции интерпретатора, автор конструировал дискурс и в котором описываются реальное и желаемое, нереальное и т.п. положение дел. В этом мире мы находим характеристики действующих лиц, объектов, времени, обстоятельств событий и т.п. Этот мысленный мир включает также домысливаемые интерпретатором на основе его жизненного опыта детали и оценки [Демьянков, 2002].

Дискурс противопоставляется тексту по ряду оппозитивных критериев: функциональность – структурность, процесс – продукт (результат),

динамичность – статичность и актуальность – виртуальность. Соответственно, различаются текст-как-продукт и функциональный дискурс-как-процесс [Макаров, 2003; Солганик, 2005]. Текст понимается как прием, абстрактная формальная конструкция, дискурс – как разные виды актуализации такой конструкции, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов участников коммуникации и в связи с экстралингвистическими данными [Дейк, 1989; Шейгал, 2000; Костюшкина, 2006]. Дискурс – это понятие, касающееся речи, актуального речевого действия, тогда как текст – это понятие, касающееся системы языка или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности [Дейк, 1998].

Иногда понятия «текст» и «дискурс» разграничивают по оппозиции письменный текст vs. устный дискурс, сводя их к двум формам языковой действительности – использующей и не использующей письмо. Такой подход наблюдается в работах И.Р. Гальперина, З.Я. Тураевой, О.И. Москальской и др.

На основании этой дихотомии некоторые исследователи склонны разграничивать дискурс-анализ (объектом которого, по их мнению, должна быть лишь устная речь) и лингвистику (письменного) текста. Однако такой подход не срабатывает в целом ряде случаев. Например, доклад можно рассматривать одновременно и как письменный текст, и как публичное выступление, т.е. коммуникативное событие, хотя и монологическое (в традиционных терминах) по своей форме, но тем не менее отражающее всю специфику языкового общения в данном типе деятельности [Макаров 2003, с. 87].

Некоторые лингвисты трактуют дискурс как подчеркнуто интерактивный способ речевого взаимодействия, в противовес тексту, обычно принадлежащему одному автору, что сближает данное противопоставление с традиционной оппозицией диалог vs. монолог. Само по себе последнее разграничение довольно условно, потому что наиболее естественным проявлением языковой активности следует считать диалог (даже монолог по своему диалогичен — он всегда обращен к адресату, реальному или

гипотетическому). О диалогичности языка, речи и сознания писали очень многие ученые. Среди них – Л.С. Выготский, Э. Бэнвенист, М.М. Бахтин.

Наиболее приемлемым, по мнению М.Л. Макарова, является подход В.В. Богданова, который рассматривает текст и речь как две неравнозначные стороны, два аспекта дискурса. Не всякая речь поддается текстовому перекодированию, и далеко не любой текст можно «озвучить». Вследствие этого дискурс понимается широко – как все, что говорится и пишется, другими словами, как речевая деятельность, «языковой материал» (в терминах Л.В. Щербы), причем в любой его репрезентации — звуковой или графической. Текст (в узком смысле) понимается как «языковой материал, фиксированный на том или ином материальном носителе с помощью начертательного письма (обычно фонографического или идеографического). Таким образом, термины речь и текст будут видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину дискурс» [Богданов 1993: 5-6, цит. по: Макаров, 2003, с. 90]. В данной трактовке подчеркивается обобщающий характер понятия дискурс, снимается всякая ограниченность признаками монологический/диалогический, устный/письменный. Широкое употребление дискурса как родовой категории по отношению к понятиям речь, текст, диалог сегодня все чаще встречается в лингвистической литературе, в то время как в философской, социологической или психологической терминологии оно уже стало нормой. Подобной широкой трактовке отдается предпочтение и в данной работе.

На выбор термина дискурс в качестве центрального понятия, определяющего специфику парадигмы, влияют также метанаучные традиции: дискурсивный анализ воспринимается как «открытая» теория и практика в отличие от европейской школы лингвистики текста, занимающейся практически только письменными текстами, и американского разговорного анализа, интересующегося изучением лишь повседневной речи.

1.2. ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ: ИСТОЧНИКИ И СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ

Как уже упоминалось выше, автором термина «анализ дискурса» является Зеллиг Харрис, который таким образом назвал «метод анализа связанной речи», предназначенный «для расширения дескриптивной лингвистики за пределы одного предложения в данный момент времени и для соотнесения культуры языка» [Harris 1952: 1-2, цит. по: Макаров, 2003, с. 91]. Этот метод ориентируется только на встречаемость морфем, взятых как различительные элементы. Он не зависит от знаний аналитика о том, каково конкретно значение каждой морфемы. Этот метод не дает также никакой новой информации о значениях отдельных морфем, входящих в текст. Но это не значит, что в результате анализа дискурса мы ничего не узнаем о дискурсе и о том, как грамматика языка в нем проявлена. Ведь «хотя мы и пользуемся формальными процедурами, сходными с дескриптивно-лингвистическими, мы можем получить новую информацию о конкретном изучаемом тексте, информацию, выходящую за рамки дескриптивной лингвистики» [Harris 1952, 355, цит. по: Демьянков, 1995, с. 281].

1.2.1. Идеиные предшественники современного дискурсивного анализа

Говоря об идейных предшественниках современного дискурсивного анализа, следует упомянуть и кратко охарактеризовать нижеследующие направления исследования, представленные в работе М.Л. Макарова «Основы теории дискурса».

Русский формализм. Одним из значительных исследований этого направления является работа В.Я. Проппа «Морфология сказки» (1928 г.), заложившая основы нарративного анализа. Согласно Проппу, морфологической организацией в архаических текстах обладает уровень сюжетных функций, тогда как на уровне конкретных персонажей, их атрибутов, мотивировок и т.п. действует принцип индивидуальной творческой свободы повествователя, не поддающийся структурному анализу. Вне этого контекста трудно даже

представить появление довоенных публикаций М.М. Бахтина и В.Н. Волошинова. Через плодотворную научную деятельность Р. Якобсона эта традиция распространилась на Пражскую школу и европейский, а чуть позже – и американский структурализм.

Европейский структурализм. Данной направление реализовалось, главным образом, в структурной антропологии К. Леви-Строса и других представителей французской школы, ожививших связи антропологии с поэтикой и семиотикой. Большое внимание в их исследованиях уделялось анализу повествовательных структур мифов, литературных и быденных сюжетов, как, например, в работах Р. Барта и Ц. Тодорова. Возрождение семиотики под влиянием Ч. Морриса и У. Эко дало различным школам лингвистики, антропологии, литературоведения, теории коммуникации и социологии общие принципы и универсальный метаязык, что обусловило развитие междисциплинарных связей.

Лингвистическая антропология, этнография устной речи (ethnography of speaking) и этнография коммуникации (ethnography of communication). Отправным пунктом анализа в этих исследованиях служит не языковой код, а речевой коллектив или другой социальный контекст. В целом утверждается примат речи над языком, функции над структурой, контекста над сообщением, хотя при этом делается оговорка о том, что следует иметь в виду взаимосвязь этих категорий. Комплексное изучение коммуникативной системы, используемой тем или иным обществом, предполагало объединение усилий социолингвистов, психолингвистов, этнографов, культурологов и др. В 70-е гг. в рамках этого направления исследовались этнокультурные особенности речевой практики в конкретном обществе. Данные направления исследования предвосхитили развитие дискурсивного анализа благодаря трудам таких ученых, как Д. Хаймс и Дж. Гамперц.

Интерактивная социолингвистика. основополагающие принципы этого направления были сформулированы Дж. Гамперцем, первоначальные идеи которого претерпели изменения и отошли от русла этнографии устной речи. К

этому же направлению принадлежат работы Э.Гоффмана. Оба исследователя помещают в фокус внимания межличностную интеракцию с использованием языка, в основе интерпретации которой лежит категория ситуативно обусловленного смысла.

Феноменологическая микросоциология и социология языка (sociology of language), представленная такими учеными, как уже упоминавшийся выше Э. Гоффман, а также А. Сикурель и Г. Гарфинкель.

Этнометодологическая традиция в социологии. Данное направление тесно связано с именем Г. Гарфинкеля. Основные идеи сосредоточены на анализе структур обыденного, повседневного разговорного общения и интерпретациях, лежащих в его основе.

Развитие последнего направления способствовало возникновению *конверсационного анализа*, одним из основоположников которого является Г. Сакс, работавший в рамках этнометодологического подхода к социальной реальности. Конверсационный анализ основывается на методологических принципах интерпретативной парадигмы, конструктивистском видении действительности. Рабочей гипотезой, с которой Г. Сакс начал анализ телефонных звонков в центр предотвращения самоубийств Лос-Анджелеса, было предположение о структурной организации самых обычных разговоров, которую можно изучать посредством многократного наблюдения, прослушивания записанных эпизодов естественного речевого общения. Постепенно его вниманием все больше овладевали механизмы и правила мены коммуникативных ролей и особенности линейного структурирования разговора в аспекте социальной организации взаимодействия. Позже был расширен круг анализируемого речевого материала, сформировался новый метод его изучения, уточнены теоретические положения. Помимо Г. Сакса это направление также тесно связано с именами Э. Щеглова и Г.Джефферсон. Заслуга этих исследователей состоит в посмертном издании полного текста лекций Г. Сакса «Lectures on Conversation» и всестороннем развитии и конверсационного

анализа, а также в расширении объема и характеристик эмпирического материала, привлекаемого к исследованию.

Социоллингвистика. Это направление оказывало большое влияние на дискурсивный анализ с 60-х гг. XX в. Оно уделяло значительное внимание явлениям лингвистической вариативности, обусловленной социальными факторами (класс, пол, этнический тип и т. п.). Под влиянием работ С. Эрвин-Трипп и У. Лабова анализ функционирования и вариативности языка в реальной жизни привел к изучению разных типов дискурса, например, общения родителя и ребенка, врача и пациента, судебного заседания и т. п. При этом анализ вариативности практически смыкается с интерактивной социоллингвистикой, антропологией языка и этнометодологией, воплощаясь в изучении отдельных социальных типов.

Культурно-социологическая теория. Данная теория разработана в работах Б. Малиновского и Дж. Р. Ферса. В работах Б. Малиновского, идеи которого выросли из анализа «примитивных» языков, выявляется взаимосвязь языка и культуры, обусловленная социальной и биологической природой человека, причем важной формой поведения считается фатическое поведение. Р. Малиновский одним из первых соединил изучение речевой коммуникации с методами антропологической и этнографической полевой работы. Дж. Ферс, как и вся Лондонская школа структурной лингвистики, испытал влияние идей Э. Дюркгейма, Ф. де Соссюра, Э. Сепира, К. Леви-Строса и отчасти – бихевиоризма, признавал необходимость функционального изучения языка, личности и общества; обусловленность значения и смысла ситуационным контекстом. В это же время, что примечательно, в психологии развернулась дискуссия Эббингхауса–Бартлетта, в которой последний доказал, что в точном запоминании и понимании нарратива огромное значение имеют когнитивные схемы, тема дискурса и культурный фон.

Функциональный структурализм Дж. Ферса стал фундаментом, на котором сформировались взгляды М.Хэллидея в свою очередь оказавшего влияние на *Бирмингемскую школу* дискурсивного анализа и *критический*

дискурс-анализ, унаследовавший глубокий интерес к социально-культурным аспектам языка. Исследования Бирмингемской школы представлены многими публикациями, но больше всего они ассоциируются с именами Дж. Синклера и М. Култхарда, стоявшими во главе проблемной группы по исследованию английского языка в университете г. Бирмингема (English Language Research Group, University of Birmingham). Бирмингемская модель дискурс-анализа была разработана в результате проекта «The English Used by Teachers and Pupils» (сентябрь 1970 г. — август 1972 г.). Изучая речевое взаимодействие учителей и учеников на уроках, авторы проекта пытались ответить на вопросы о том, как связаны соседние высказывания в потоке речи, кто и как управляет ходом общения, как меняются роли говорящего и слушающего, как вводятся новые темы и как заканчиваются старые, как, какими языковыми данными можно доказать существование единиц, превосходящих высказывание и т.д. Школьный урок представлял собой довольно удачный языковой материал, лишенный хаоса и спонтанности обыденной повседневной речи, что позволяло легче выделять структурные единицы дискурса. В отношении критического дискурс-анализа следует сказать, что это разновидность дискурс-анализа, разработанная Н. Фэркло (N. Fairclough), в которой утверждается, что дискурс – лишь один из множества аспектов любой социальной практики. Для критического дискурс-анализа основной областью интереса является исследование изменений дискурса, которые происходят благодаря интертекстуальности – механизму, с помощью которого отдельный текст привлекает элементы и дискурсы других текстов. Комбинация элементов различных дискурсов ведёт к изменению определённого дискурса, и, следовательно, – к изменению социокультурного мира.

Аналитическая философия. Это еще одно направление, которое является крайне важным для становления дискурсивного анализа. Часть работ по аналитической философии, в частности труды Дж. Остина и Дж. Серля, позднее сложились в *теорию речевых актов*. Кроме того, возникли такие области исследования, как «*логика речевого общения*» Г. Грайса и «*риторическая*

прагматика» Дж. Лича. Они создали концептуальную структуру прагматической теории языка, соотносящей языковые объекты с социальными действиями, причем проблематика речевых актов наряду с понятиями референции, пресуппозиции, имплицатуры на долгое время стала неотъемлемой частью прагматики языка.

Психолингвистика, когнитивная психология и искусственный интеллект. Данные области исследований переориентировались с генеративных моделей на обработку текста (discourse processing) в 70-е гг. XX в. стали еще одним источником идей для дискурсивного анализа. Возник интерес к процессам восприятия, запоминания, репрезентации, хранения в памяти и воспроизведения текстовой информации. Моделирование знаний в системах искусственного интеллекта предоставило формальный аппарат для анализа контекстуальной информации, участвующей в интерпретации дискурса в виде фреймов и сценариев. Здесь прежде всего следует отметить работы таких ученых, как М. Минского, В. Кинча, Р. Шенка, Р. Абельсона и др.

Грамматика и лингвистика текста, представленные работами Т. ван Дейка, В. Дресслера, Р. де Богранда, З. Шмидта и др. стали еще одним мощным источником развития интегральной теории дискурса. Важной вехой в становлении лингвистики текста в 60-х гг. стал исследовательский проект в университете г. Констанц, целью которого была выработка грамматики и лексикона для порождения брехтовского текста. Вслед за этим Я. Петефи создает свою семантико-прагматическую теорию TeSWeST. Высокоуровневый семантический анализ, выявление смысловых макроструктур в работах Т. ван Дейка сочетается с поиском комплексной текстуальности З. Шмидта, выявлением текстообразующих корреляций с фонологическими и синтаксическими структурами в теории когезии, тематическими прогрессиями Ф. Данеша, а также процессуальными моделями Р. де Богранда и синтаксисом текста В. Дресслера. Данные достижения и связи лингвистики текста со стилистикой, риторикой и машинным моделированием были переработаны и интегрированы дискурсивным анализом. В отличие от Европы в

Великобритании и США лингвистика текста фактически не прижилась, хотя разработка грамматики дискурса Р. Лонгейкра и функциональной грамматики дискурса, автором которой является Толми Гивон, осуществляются в близком направлении.

Надо отметить еще одну европейскую школу – *анализ диалога*, особенно его представителей в Германии и Финляндии (Canisius 1986; Carlson 1983; Fritz, Hundsnurscher 1994 и др.).

В отечественной науке получила развитие *коллоквиалистика*: лингвистический анализ устной разговорной речи. Основными представителями этого направления исследования являются Ю.М. Скребнев, О.Б. Сиротина, О.А. Лаптева, Е.А. Земская и др.

1.2.2. Термин «дискурсивный анализ». Задачи дискурсивного анализа

Обращаясь к определению термина «дискурсивный анализ», многие исследователи отмечают его многозначность, которая отчасти обусловлена неоднозначностью исходного понятия «дискурс». М.Л. Макаров указывает на три подхода к определению дискурсивного анализа, в связи с чем иногда возникает опасность терминологического многозначия, некорректной подмены смыслов:

1) дискурс-анализ (в самом широком смысле) как интегральная сфера изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социально-культурной обусловленности;

2) дискурс-анализ (в узком смысле) как наименование традиции анализа Бирмингемской исследовательской группы;

3) дискурс-анализ как «грамматика дискурса» (Р. Лонгейкр, Т. Гивон), близкое, но не тождественное лингвистике текста направление.

В данной работе понятие «дискурсивный анализ» употребляется в первом, самом широком значении. При таком его понимании область исследования является междисциплинарной областью знания, в которой наряду с лингвистами участвуют социологи, психологи, этнографы, литературоведы, стилисты и философы [БЭСЯ, 1998, с. 137].

В качестве основных задач дискурсивного анализа можно выделить нижеследующие.

1. Дискурсивный анализ исследует устные и письменные формы речевой коммуникации в естественных условиях «реального мира». Языковым материалом служат письменные тексты и выполненные в соответствии с принятыми нормами и правилами транскрипты устных дискурсов, включая интервью с информантами. Этим дискурсивный анализ отличается от работ в русле теории речевых актов и формальной прагматики, а также от большинства исследований в рамках экспериментальной психологии и социологии, обращающихся к текстовому материалу. К тому же дискурсивный анализ предполагает охват более широкого круга теоретических вопросов и самого языкового материала по сравнению, например, с разговорным анализом.

2. Дискурсивный анализ самым тщательным образом исследует предметно-содержательную сторону языковой коммуникации, уделяя, пожалуй, больше внимания ее социальной организации, чем формально лингвистической. Этим он качественно отличается от лингвистики текста или анализа диалога, как правило, ориентированных на выработку слабо учитывающих содержание схем (например, описывающих формальную связность текста или диалога).

3. В основе дискурсивного анализа лежат три важнейших категории: действие, (по)строение (construction) и вариативность. Когда люди что-нибудь говорят или пишут, они тем самым совершают социальные действия. Конкретные свойства этих социальных действий определяются тем, как устный дискурс или письменный текст построены, с помощью каких именно лингвистических ресурсов, отобранных говорящим или пишущим из всего многообразия языковых средств, функциональных стилей, риторических приемов и т.п. С одной стороны, весьма интересен сам процесс построения дискурса. С другой стороны, поскольку устный дискурс или письменный текст вплетены в живую ткань социальной деятельности и межличностного взаимо-

действия, их вариативность воплощает особенности различных социально-деятельностных контекстов и намерений авторов.

4. Осуществляя дискурсивный анализ того или иного вида коммуникации, исследователи проявляют интерес к риторическим, аргументативным структурам в любых типах текста и жанрах речи: от политических дебатов до бытовых разговоров. Главной целью риторического анализа в данной парадигме становится стремление понять, как для того, чтобы раскрыть природу и коммуникативное предназначение какой-либо одной дискурсивной версии событий или положения дел, нам приходится иметь дело с реальными и/или гипотетическими конкурирующими положениями дел и версиями социальных миров, эксплицитно или имплицитно доказывать несостоятельность альтернативных вариантов и правомочность своего собственного.

5. Дискурсивный анализ все более явно приобретает когнитивную направленность, стремление посредством изучения речи решать вопросы о соотношении и взаимодействии внешнего и внутреннего миров человека, бытия и мышления, индивидуального и социального. Это проявляется в пересмотре целого ряда базовых психологических категорий: установка, восприятие, память, обучение, аффект и эмоции. Дискурсивный анализ с особым интересом изучает такие когнитивные феномены, как знания, верования и представления, факт, истина и ошибка, мнение и оценка, процессы решения проблем, логического мышления, аргументации [Макаров 2003].

1.3. МЕТОДОЛОГИЯ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

Рассматривая методологию дискурсивного анализа, следует остановиться как на проблемах, возникающих у исследователя в процессе сбора и обработки материала исследования, так и на возможных способах их решения. В качестве основных проблем необходимо назвать проблемы сбора материала, транскрипции дискурса и парадокс наблюдателя. Далее раскроем суть каждой проблемы подробнее.

1.3.1. Общие проблемы сбора материала. Репрезентативная выборка и триангуляция

Сегодня можно констатировать отсутствие единой системы общепризнанных и общепринятых методик, правил и процедур сбора, представления и описания языкового и прежде всего – речевого материала. Даже в исследованиях именно языкового общения порой трудно бывает найти эмпирическое подтверждение, поскольку в них отсутствует корпус текстов. Многие работы легко обходятся «искусственными» примерами, придуманными самим авторами. Лишь в рамках социолингвистики, конверсационного анализа и дискурсивного анализа встречаются работы, содержащие детальные транскрипты коммуникативных событий. В последнее время число таких работ постепенно растет.

Общее решение проблемы отбора материала состоит в преимущественном анализе транскриптов аудио- и видеозаписей речевых событий в комплексе с разнообразными этнографическими наблюдениями, дополненными данными как естественного (например, пассивного наблюдения), так и экспериментального (активного) характера. Однако это не означает отказ от использования в качестве языкового материала текстов массовой коммуникации, художественной литературы и т.п. Тексты средств массовой коммуникации, различных субкультур в наши дни представляют особый интерес для исследований языка в социокультурном аспекте. Безусловно, выбор материала исследования должен зависеть от конкретных целей и задач исследователя.

По мнению М.Л. Макарова, одним из трудных, но преодолимых препятствий на пути исследователя в рамках дискурсивного анализа оказывается проблема технической записи корпуса текстов. Особенно это касается записи речи в общественных местах, где уровень помех (шум толпы, шарканье ног, эхо, отражающееся от стен и т. п.) превосходит полезный сигнал. Оптимальной ситуацией можно считать запись общения в малой группе (до 7-8 человек), когда микрофон находится либо в центре помещения, либо у одного

из участников взаимодействия. Видеозапись с разных точек позволяет систематически и в полном объеме учитывать нелингвистические аспекты общения и ситуативный контекст [Макаров 2003].

Следующим вопросом, имеющим большое значение, как с теоретической, так и с практической точек зрения, является вопрос о необходимом и достаточном объеме речевого материала. Главным фактором, определяющим объем, следует признать цель анализа. Оптимальный объем данных должен обеспечить корректность анализа и достоверность выводов. Качественный, интерпретативный анализ практикует в отдельных случаях идиографический подход, позволяющий строить анализ на единственном, отдельно взятом случае.

Для решения проблемы сбора достаточного и необходимого количества достоверной языковой и сопутствующей информации предлагается проводить репрезентативную или теоретическую выборку. Само понятие выборки подразумевает случайность «забора образцов». Однако случайность такого поиска часто оказывается относительной (например, простой опрос по телефону уже ограничивает круг информантов людьми определенного социального статуса – теми, у кого есть телефоны и кто в течение дня, как правило, находится дома).

Исследователь условно разбивает всю совокупность своих потенциальных информантов по «теоретическим» категориям и делает выборку из каждой из них, зондируя таким образом качественно отличающиеся группы информантов, получая необходимые и достаточные сведения о реальном функционировании языка в различных социумах, что в итоге позволяет воссоздать целостную языковую картину в рамках всей общности. При этом необходимо помнить, что результаты подобной теоретической выборки в обследовании какой-то одной ситуации лучше всего подтвердить сравнением с данными, полученными в результате анализа этой же ситуации другими методами, с других точек зрения. Иногда такой подход называется «триангуляцией» (термин М. Стабса).

Количественные методы следует дополнять качественными и наоборот. Нельзя исключать интерпретации записанных речевых событий самими участниками общения. Эти интроспективные данные не должны отбрасываться по причине субъективности или непрофессиональности. Каждый из методов и приемов сбора языковых данных, взятый по отдельности, таит в себе опасность искажения реальной картины и даже потенциально ошибочен, но в своей совокупности они позволяют максимально подойти к самому корректному анализу предмета исследования – речевого общения. Поэтому исследования, ориентированные на широкий анализ языкового общения с точки зрения взаимодействия формы и функций, просто обречены на междисциплинарный статус, так как в них всегда приходится использовать целый комплекс методик, а также понятийно-теоретический аппарат и имеющиеся данные смежных наук.

1.3.2. Общие проблемы транскрипции. Критерии и принципы транскрипции

Перенос звукового образа дискурса с аудио- или видеоносителя на бумагу (транскрипция) отнимает довольно много времени и места: достаточно упомянуть, что речевое событие продолжительностью 45-50 минут (например, один урок) может занимать до 30 страниц стандартного текста.

Транскрипция сама по себе является очень чувствительным моментом, влияющим на ход анализа записанного фрагмента общения. Не секрет, что разные исследователи произведут отличные друг от друга транскрипции одной и той же аудиозаписи. Расхождения будут не только в сфере переноса интонации, пауз, границ реплик, перебивания, что, как правило, естественно, но даже в определении словарного состава. На уровне транскрипции демонстрируется интерпретативный и во многом субъективный характер исследования, поскольку в процессе транскрипции человек непроизвольно искажает дискурс, переставляет, пропускает и подменяет какие-то элементы, неверно «слышит» его.

Следует отметить, что для дискурсивного анализа очень важен учет и кодификация ускользающих от внимания в условиях устного общения «ошибок» (фонетические, морфологические, синтаксические, словарные). Соответственно целям и задачам конкретного исследования необходимо с самого начала определить степень детализации транскрипции, решить, какие аспекты дискурса можно игнорировать, а какие – наоборот, выделить [Макаров 2003].

Еще одной главнейшей задачей представляется создание баз данных, облегчающих доступ к компьютеризированным формам транскрипции устного дискурса и дальнейшую работу с ними. Несмотря на то, что единая нотационная система еще не создана, первые опыты такого рода уже имеются: London-LundCorpus, Lancaster Spoken English Corpus, PIXI Corpora, Birmingham Collection of English Text (BCET). Corpus of Spoken American English (CSAE) обеспечивает в интерактивном режиме компьютерный доступ через сеть не только к транскриптам, но и к звуковым оригиналам.

М.Л. Макаров выделяет два общих подхода к проблеме транскрипции: от теории к практике и наоборот — от практики к теории. Первый подход очень строго подходит к разработке основополагающих принципов, процедур выделения категорий дискурса, соответствующих нотационных символов и алгоритмов анализа. Особенно это свойственно школам, связанным с компьютерной обработкой транскриптов и ориентированным лингвистически. В рамках другого подхода существует определенный нотационный «каркас», представленный в форме традиции или практики в приложениях к исследованиям. Этот подход типичен для разговорного анализа и этнометодологии [Макаров 2003].

Некоторые авторы оценивают нотационные системы с той точки зрения, чтобы транскрипт был прост в обращении, легок для составления, изучения и интерпретации (человеку и компьютеру). Научное же предназначение нотационной системы состоит не в том, чтобы быть «легкой для чтения», а в том, чтобы ей было удобно пользоваться. В этом случае для составителя транскрипта главным ее достоинством является четко определенное,

однозначное отношение между элементами дискурса и знаками транскрипции. Для анализа важно, чтобы транскрипт содержал всю совокупность обозначений, указывающих на распределение, частотность и релевантность тех или иных компонентов социальной жизни.

До адресата или потребителя научной информации транскрипт может прийти в трех видах: на него может быть всего лишь сделана ссылка, может быть представлен какой-то его фрагмент (часто как иллюстрация) и, наконец, он может быть приведен полностью (в форме приложения или как-то иначе). Ни в одном из этих случаев нельзя установить некий стандарт «читабельности». Что и как дать в транскрипте целиком и полностью зависит от того, что этим хочет сказать автор, кому он хочет это сказать и с какой целью.

Исходя из общего критерия работоспособности, полезности нотационной системы, рядом авторов были приняты нижеследующие принципы транскрипции.

1. Избирательность (Parsimony). Транскрипции подвергаются лишь те компоненты дискурса, которые предполагается анализировать, следовательно, читателю в транскрипте должно быть представлено только то, что релевантно с точки зрения анализа, что придает ему осмысленность.

2. Конвенциональность (Conventionality). Графемы используются только для сегментного представления лексических единиц, а знаки препинания в их обычной функции стандартных символов для разделения структурных единиц и уточнения их значения.

3. Лексическая целостность (Lexical Integrity). Целостность слов не должна нарушаться никакими другими условными обозначениями (что резко повышает эффективность работы с транскриптом, и в плане его составления или анализа, и в плане восприятия).

4. Объективность (Objectivity). Субъективные восприятия, оценки и категоризации со стороны составителя транскрипта не должны подаваться как объективные измерения.

5. Однозначное соответствие (One-to-One Correspondence). Одному символу нотационной системы должно соответствовать только одно свойство устного дискурса и наоборот – один элемент речевой коммуникации должен быть обозначен только одним символом.

6. Приоритет описаний (Description). Паралингвистические вокальные проявления нефонологического характера, например смех или плач, следует описывать, а не обозначать условными символами.

7. Раздельность (Separation). Описания, интерпретации, пояснения и комментарии должны быть графически отделены и ясно отличимы от самого «текста» вербального ряда транскрипта [O'Connell, Kowal 1994: 102 и сл., цит. по: Макаров, 2003, с. 108].

По мнению М.Л. Макарова, очень трудно найти нотационную систему, которая всецело отвечала бы требованиям взятых вместе семи принципов, имеющих по сути дела априорный статус. В качестве примера предлагается рассмотреть случаи нарушения принципа конвенциональности. Этот принцип легко соблюсти в отношении буквенных графем, но что касается знаков пунктуации, то здесь есть немало проблем: привнесение знаков пунктуации в их привычную функцию, в которой они используются в письменных текстах, повышает субъективность анализа, вызывает много споров (поставить точку или запятую). Устный дискурс – это поток «слов» в «просодическом пространстве». Сочетание определенным образом сочлененных слов с паузами, интонацией, громкостью позволяет решать о функциях фразы в отношении дискурса. Поэтому вслед за Дж. ДюБуа можно выделить два аспекта анализа интонации: функциональный и фонетический [Du Bois e. a. 1993: 52-57, цит. по: Макаров, 2003, с. 109] и переосмыслить традиционные знаки пунктуации с точки зрения функционального аспекта интонации дискурса, в частности, продолжения (transitional continuity): точка обозначает комплекс интонационных контуров и пауз с функцией завершенности; запятая – комплекс интонационных контуров и микропауз с функцией продолжения или

незавершенности; знак вопроса – в апеллятивной функции обращения за поддержкой или подтверждением высказывания.

С выделением функциональных просодических категорий можно добиться определенной универсальности транскрипции, потому что сами по себе интонационные «алломорфы» часто варьируются, а фонетический аспект интонации необходимо обозначать отдельно. Например, в английском языке обычным выражением функции завершенности являются сильная нисходящая интонация плюс пауза, апеллятивной – сильная восходящая интонация, а незавершенность «обслуживается» рядом контуров: незначительным понижением или повышением тона и нисходяще-восходящей интонацией, обычно в сочетании с очень короткой паузой, причем каждый из них отличается своим прагматическим содержанием. В русском языке будут другие контуры, но три функции – завершенности, продолжения и апелляции так же легко выделить.

В качестве примера нотационной символики, которая удовлетворяет большинству принципов, предлагается познакомиться с так называемой системой ТРУД (Транскрипция Устного Дискурса). По мнению автора этой системы М.Л. Макарова, она является цельной и достаточно простой системой, не требующей особой подготовки пользователя и годной к компьютерной обработке. Выбор символа в этой системе оправдан его распространенностью в других сферах словесности в приблизительно той же функции (многоточие для паузы, тире для прерывания) или же его мнемическими характеристиками: \ для обозначения нисходящей интонации, а / для восходящей. Все это, как считает автор, должно обеспечить быструю и однозначную реакцию читающего на транскрипт, а значит, повысить эффективность работы без предварительного специального обучения. Вербальные компоненты ТРУД кодирует «литературной» транскрипцией с элементами псевдофонетики *eyedialect*; главная композиционная форма – вертикальное размещение реплик и комментария (колонки используются там, где общение в группе распадается на параллельно протекающие обмены) [Макаров 2003].

Ниже представлена таблица символов в системе ТРУД. Во второй части данной работы будет продемонстрировано практическое применение этой нотационной системы, с помощью которой ее автор представляет запись устного дискурса (семинара в американском университете) для интерпретативного дискурсивного анализа.

Категория	Символ
Идентификация говорящего и реплики (turn)	A1:
Идентификация слова (word)	пробел
Идентификация фразы (intonation unit)	строка
Обрыв слова (truncated word)	-
Обрыв фразы (truncated intonation unit)	—
Продолжение без паузы, подхват (latching)	=
Наложение речи 2 и более человек (overlay)	[]
Одновременное начало реплик (turn-initial overlay)	[[
Параллельные обмены (parallel exchanges)	слева
Просодия завершенности (final)	.
Просодия продолжения (continuing)	,
Просодия апеллятивная (appeal)	?
Эмоциональный тон (animated; booster)	!
Интонация нисходящая (fall)	\
Интонация ровная (level)	_
Интонация восходящая (rise)	/
Интонация восходяще-нисходящая (rise-fall)	Λ
Интонация нисходяще-восходящая (fall-rise)	V
Ударение слабое и сильное (accent)	<u>underline</u>
Выделение слабое и сильное (emphasis)	ALL CAPS
Удлинение слабое и сильное (lengthening)	I: know::
Сокращение (shortening)	^{super} script
Невокализованная пауза < 0,5 с. (shortpause)	..
Невокализованная пауза > 0,5 с. (longpause)	...
Пауза с указанием длительности (measuredpause)	(0.8)
Вокализованная короткая пауза (shortpausefiller)	uh, um, uhm
Вокализованная долгая пауза (longpausefiller)	eh, er, erm
Громко, докрика (in a loud voice, nearly shouting)	bold
Тихо, дошепота (in a soft voice, nearly whispering)	italics
Убыстрение темпа (tempo acceleration)	>>>
Замедление темпа (tempo deceleration)	<<<

Параязыковые явления, сопровождающие речь	# sobbing #
Параязыковые явления, прерывающие речь	{laughter}
Экстралингвистический комментарий	@ phone @
Неразборчивая речь (догадка: сегмент)	di(d)
Неразборчивая речь (догадка: слово)	(did)
Неразборчивая речь (догадка: количество слогов)	\$\$\$
Ввод фонетической и стандартной транскрипции	{{word}}

1.3.3. Парадокс наблюдателя

Еще одной трудностью, возникающей на пути исследователя при этнографическом сборе лингвистических данных, является так называемый парадокс наблюдателя. Если информанты знают или подозревают, что за ними наблюдают, то их речь обычно становится менее непринужденной, происходит сдвиг в сторону более формального стиля общения. В связи с этим труднее всего собирать данные о фамильярном и интимном общении. Можно производить записи «скрытой камерой», например, бытовых, деловых и прочих разговоров, в том числе и бесед по телефону. Но в этом случае вмешиваются моменты этического и юридического свойства, заметно ограничивающие возможности анализа, а иногда просто налагающие veto.

Сдругой стороны, совершенно свободного, непринужденного, абсолютно естественного общения не существует вообще. Всякий раз говорящий учитывает социальный контроль со стороны участников взаимодействия и соответственно приспосабливает свою речь к условиям конкретной ситуации общения. Реакция на исследователя со звукозаписывающим устройством – это лишь частный случай такой адаптации.

То, что исследователь получает в результате записи, когда общающиеся знают о ней, дает представление об особенностях дискурса в определенных условиях дискомфорта, а не о чистом, нормальном диалоге, типичном для данной ситуации. Можно, конечно, попробовать выделить и изучить только изменения в речевой деятельности информантов, обусловленные эффектом присутствия наблюдателя. Но простое механическое вычитание этих черт все

равно не передает общей картины нормального разговора. Наиболее приемлемый выход из положения – дать коммуникантам время, чтобы они просто привыкли к микрофону (сначала можно ставить его, не включая запись). Примечательно, что в стрессовых ситуациях участники общения также иногда «не замечают» микрофона, находясь под прессом другой доминанты.

Парадокс наблюдателя имеет и обратную сторону: восприятие и осмысление полученного материала оказываются не такими простыми этапами анализа для самого интерпретатора. Как правило, ученый, говорящий на том же языке и привыкший к тому же набору вариантов и способов языковой коммуникации, что и испытуемые, многие важные моменты речевого общения просто пропускает, потому что они для него настолько же естественны и принимаются им как должное, как норма, а усвоенную норму бывает очень трудно выделить. Отклонения от нормы когнитивно заметнее, поэтому повышенное внимание привлекают случаи нарушения норм в общении или случаи нетипичного общения, например, общения людей с частично или полностью потерянным зрением как друг с другом, так и с вполне здоровыми людьми [Макаров 2003].

1.4. ЕДИНИЦЫ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

1.4.1. Многообразие и статус единиц дискурсивного анализа

Одна из основных трудностей описания дискурса состоит в том, что в нем сосуществуют единицы и структуры различной природы, выполняющие различные функции.

Традиционно выделяются следующие типы единиц:

- 1) единицы фонетико-просодического характера: звук (аллофон и фонема), слог, фонетическое слово, синтагма, фраза;
- 2) грамматические единицы: морфема, слово, словосочетание, предикативная единица, предложение, сверхфразовое единство или сложное синтаксическое целое, абзац.

3) социально-интерактивные единицы: действие, ход, простые и сложные обмены, стратегия, трансакция или фаза, эпизод, коммуникативное событие.

Данные ряды, происходя из разных концепций, не претендуют на общую логику и однозначность. Многообразие подходов, отдающих приоритет либо формальной структуре дискурса, либо функциональной стороне речевой коммуникации, приводит к выделению единиц общения с неравнозначным статусом, разной качественной спецификой [Макаров 2003].

Некоторые исследователи предлагают подходить к выделению единиц, исходя из следующего определения термина «единица», предложенного Л.С. Выготским: единица – это «такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает всеми основными свойствами, присущими целому» [Выготский, 1982, с. 15]. Целое в этом случае не состоит из простой суммы элементов, оно имеет динамическую структуру, объединяющую и организующую свои единицы.

Исследователь, работа которого взята нами за основу при раскрытии специфики дискурсивного анализа, придерживается приведенного выше определения понятия единицы. Следовательно, мы также опираемся на данную трактовку этого понятия и предлагаем рассмотреть более подробно две классификации единиц дискурсивного анализа: единицы коммуникативного дискурсивного анализа и интеракционные единицы дискурсивного анализа, поскольку во второй части данной работы будут приведены примеры дискурсивного анализа с точки зрения этих двух подходов.

1.4.2. Единицы коммуникативного дискурсивного анализа

Необходимо отметить, что под коммуникативными единицами главным образом подразумеваются единицы анализа языкового общения: речевой акт, макроречевой акт, коммуникативный ход, дискурсивный акт и др.

Такая единица как «речевой акт» в коммуникативном дискурсивном анализе имеет как традиционные интерпретации, так и подвергается

переосмыслению. В качестве традиционного определения приведем определение, данное в Лингвистическом энциклопедическом словаре «Языкознание»: «речевой акт – это единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации, основными чертами которой являются намеренность, целеустремленность и конвенциональность» [БЭСЯ, 1998, с. 412].

Согласно Дж. Остину и Дж. Сёрлу, речевой акт представляет собой единство трех взаимосвязанных актов - иллокутивного (функционально-коммуникативной направленности высказывания), локутивного (речения в устной или письменной форме, отвечающего нормам данного языка) и перлокутивного (эффекта, оказанного речевым актом на мнении, знаниях, поведении и установках адресата) –и пропозиции (смыслового содержания) [Колобова 2008].

Однако некоторые исследователи указывают на то, что теория речевых актов имеет некоторые недостатки и не совсем верно определяет речевой акт как минимальную единицу общения. Так, У. Эдмондсон использует термин интеракционный акт, понимая под ним минимально различимую единицу коммуникативного поведения, речевого и неречевого, не (обязательно) продвигающую общение к достижению коммуникативных целей [Edmondson 1981: 6, цит. по: Макаров, 2003, с. 182].

Кроме того, У. Эдмондсон вводит понятие такой единицы дискурсивного анализа, как «коммуникативный (интерактивный) ход», которая представляет собой вербальное или невербальное действие одного из участников, минимальный значимый элемент, развивающий взаимодействие, продвигающий общение к достижению общей коммуникативной цели [Edmondson 1981: 6, цит. по: Макаров, 2003, с. 183].

Коммуникативный ход может как совпадать с речевым актом, так и реализовываться с помощью комплекса речевых актов, макроречевого акта (термина Т. ван Дейка): "Certain sequences of various speech acts may be intended

and understood, and hence function socially, as one speech act - macro-speech act") [Dijk, T.A., 1997, p.238].

Речевой акт может также служить составной частью еще одной единицы дискурсивного анализа – дискурсивного акта (термин Х. Хенне, Х. Ребок). Данные исследователи определяют дискурсивный акт как минимальную коммуникативную единицу, речевую или жесто-мимическую по природе, которая в каждом конкретном случае употребления в разговоре имеет свою специфическую значимость с точки зрения развития речи как системы действий, коммуникативных планов и стратегий [Henne, Rehbock, 1982, цит. по: Макаров, 2003, с. 182].

М.Л. Макаров, рассматривая термины «речевой акт» и «коммуникативный ход», считает речевой акт виртуально коммуникативной единицей, потенциально предназначенной для достижения узкого набора типизированных коммуникативных целей. Полная актуализация речевого акта осуществляется в дискурсе в качестве коммуникативного хода: когда мы что-то утверждаем, просим, обещаем и т. п., мы тем самым развиваем в определенном направлении диалог – соглашаемся, противоречим, уклоняемся, наступаем, защищаемся, привлекаем и поддерживаем внимание и т.д. [Макаров 2003].

1.4.3. Интеракционные единицы дискурсивного анализа

В рамках интерпретативного подхода к дискурсивному анализу минимальными единицами коммуникативного взаимодействия следует считать двустороннюю единицу–обмен (в других терминах – интерактивный блок, простая интеракция, элементарный цикл, смежная пара, диалогическое единство), поскольку именно простой обмен репликами признается большинством исследователей основной структурной единицей языкового общения (И.П. Сусов, М.Л. Макаров, М. Култхард, У. Эдмондсон, Дж. Браун, Дж. Юл и др.). Все выше перечисленные термины обозначают явление, состоящее из стереотипного обмена репликами, точнее, – ходами. Поэтому предпочтение отдано термину обмен (exchange) [Макаров 2003].

Структурно обмены подразделяются на два типа:

- элементарные или простые (двухкомпонентные, двухшаговые обмены типа вопрос – ответ, просьба–обещание, приветствие –приветствие и т.п.);

-сложные или комплексные (типовые структуры, объединяющие три, четыре и, реже, больше реплик, например, вопрос –ответ –подтверждение или вопрос –переспрос –уточняющий вопрос –ответ).

Для обозначения единицы дискурсивного анализа, превышающей по объему сложные обмены, предлагается использовать термин «транзакция» (М. Култхард, М.Л. Макаров). Единицей макроуровня дискурса выступает речевое событие.

Таким образом, М.Л. Макаров предлагает представить выделяемые единицы дискурсивного анализа в виде следующей схемы: акт =>ход =>обмен =>транзакция => речевое событие. Данный лингвист утверждает, что стрелки не означают простого механического включения единицы, расположенной слева, в ту, что следует справа. Это включение лучше всего описать в терминах функциональной актуализации (это будет продемонстрировано в примере дискурсивного анализа во второй части работы). Кроме того, сама стрелка имеет неодинаковую значимость в данном условном построении: отношение акта к ходу отличается от отношения транзакции к событию.

Что касается определения границ каждой единицы дискурсивного анализа, М.Л. Макаров отмечает, что это не всегда просто осуществить. Например, границы транзакции определяются либо по границам семантической репрезентации предметно-референтной ситуации (глобальной темы), либо по границам типа деятельности в процедуре сценария, например, в школьном уроке в рамках одной темы объяснение материала и опрос ученика составят разные транзакции.

Не последнюю роль в процессе определения границ играют когнитивные механизмы человеческого сознания. Одним из важнейших аргументов в пользу когнитивной обоснованности единиц дискурса являются данные исследований памяти. Оперативный центр рабочей памяти – наше внимание не справляется с

объемом информации, превышающим семь плюс-минус две единицы одного из уровней когнитивной архитектуры. По уточненным оценкам контролируемые когнитивные процессы справляются с тремя-четырьмя блоками одновременно, каждый из которых сам может быть хорошо интегрированной структурой. Следовательно, рабочая память способна удерживать смысл и элементы формы, соответствующие трем-четырем репликам средней длины, т.е. приблизительно одному простому или сложному обмену [Макаров,2003, с. 189].

Границы обмена помогает установить когнитивная интерпретация коммуникативного фокуса, реализующегося во взаимодействии процессов активации и внимания. В дискурсе этому обычно соответствует ввод локальной темы и ее разрешение с определенным контекстуальным эффектом. Однако не всегда можно уверенно провести границы между обменами и транзакциями. Между ними нет абсолютного структурного или функционального изоморфизма части и целого. Речевое событие выделяется категориально по ситуационной модели эпизода с его символической значимостью в координатах культуры: институтов, ритуалов, обычаев, норм деятельности [Макаров 2003].

Единицу макроуровня следует определять в соответствии с общими культурно-этнографическими представлениями с тем, чтобы речевое событие можно было соотнести с его символической значимостью, местом в координатах культуры, институтов, норм общения и деятельности, ценностей, ритуалов, конвенций и т.п.

1.5. КАТЕГОРИИ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

1.5.1. Мена коммуникативных ролей

Мена коммуникативных ролей – это самый естественный и необходимый атрибут языкового общения в любой группе. Этот процесс часто осуществляется подсознательно, автоматически, не привлекая нашего внимания: в нормально протекающем общении мы не замечаем, как происходит мена коммуникативных ролей. Только лишь отклонения от нормы и нарушения

правил мены могут фиксироваться как участниками общения, так и исследователем.

На первый взгляд мена коммуникативных ролей может представиться хаотичным явлением. Однако этот процесс подчиняется определенным правилам. Различают случаи мены коммуникативных ролей по инициативе говорящего и случаи, когда желание получить слово внезапно проявляется в одном из слушающих. В первом случае существует три способа регуляции авторства последующей реплики при смене говорящих:

1) следующий участник общения, которому дается слово, назначается посредством прямой номинации, обращения или же косвенного описания, при этом обычно от нового говорящего ожидается вполне определенный ход;

2) посредством произнесения первой, инициативной части диалогического единства типа вопрос – ответ определяется следующий ход, но говорящий не назначается, хотя часто он(а) подразумевается;

3) нередко встречается так называемая «нулевая» регуляция, когда сами участники общения должны решить, кто из них продолжит разговор и каким образом; при этом, если из присутствующих никто не захотел взять слово, то говорящий может продолжить речь до следующей «точки перехода» [Макаров, 2003, с. 190-191].

По признаку соотношенности соседних репликовых шагов в масштабе реального времени следующие типы взятия шага:

- а) мена коммуникативных ролей с перебиванием;
- б) «гладкая» мена коммуникативных ролей;
- в) мена коммуникативных ролей после паузы.

К числу сигналов мены коммуникативных ролей относятся:

интонация высказывания и другие компоненты фонации;

грамматические показатели;

социально ориентированные коммуникативные ходы типа *Знаете (ли)...*;

настойчивые запросы подтверждения с помощью заключительных фраз типа *Так ведь? Правда?* [Henne, Rehbock, 1982: 190, цит. по: Макаров, 2003, с. 191].

Согласно фреймовой модели мены коммуникативных ролей как одного из аспектов внутренней организации дискурса, авторами которой являются Т. Балмер и В. Бренненштуль, выделяются следующие фазы (концепты):

намерение заговорить;

разрешение заговорить;

начало реплики;

затягивание/сокращение реплики;

прерывание реплики;

продолжение/возобновление реплики;

завершение реплики.

Наибольшей экспликации подобные концепты подвергаются в институциональном дискурсе, например, в метакоммуникативных ходах председателя и других участников какого-нибудь официального совещания в условиях жесткого регламента [Макаров, 2003, с. 192].

Способ осуществления мены коммуникативных ролей, как основополагающий фактор динамической организации дискурса в целом, оказывается одним из наиболее важных, центральных критериев для построения типологии дискурса. В регуляции мены коммуникативных ролей огромную роль играют факторы психологической и социально-психологической природы. Естественной считается мена коммуникативных ролей после длительного шага, поскольку общение, в котором один участник все время говорит, а другие молчат, считается аномальным. Это возможно либо в формальных группах, где такое поведение регламентировано, например, социальным институтом, либо в неформальных группах.

1.5.2. Коммуникативная стратегия

Следующая категория, которая требует пояснения – коммуникативная стратегия. С позиций конструктивизма под стратегией понимается цепь решений говорящего, коммуникативных выборов тех или иных речевых действий и языковых средств. Кроме того, стратегию связывают с реализацией

набора целей в структуре общения. Эти два подхода дополняют друг друга и в совокупности намного полнее раскрывают многоуровневую и полифункциональную природу естественного языкового общения и его строение.

В широком смысле коммуникативная стратегия может определяться как тип поведения одного из партнеров в ситуации диалогического общения, который обусловлен и соотносится с планом достижения глобальной и локальных коммуникативных целей в рамках типового сценария функционально-семантической репрезентации интерактивного типа [Романов, 1988, с. 103].

Коммуникативная стратегия всегда отличается гибкостью и динамикой, ведь в ходе общения она подвергается постоянной корректировке, непосредственно зависит от речевых действий оппонента и от постоянно пополняющегося и изменяющегося контекста дискурса. Динамика соотношения осуществляемого в данный момент хода с предшествующими, а также их влияние на последующие – один из главных признаков стратегии [Макаров, 2003, с. 194].

Реализация стратегии предполагает систематическую сверку соответствия между прагматической «глубинной структурой» взаимодействия и развертывающейся в масштабе реального времени «цепочкой», последовательностью коммуникативных ходов в наблюдаемом речевом событии [Edmondson, 1981, с. 81, цит. по: Макаров, 2003, с. 194].

Рассматривая стратегии как совокупности целенаправленных действий в модели порождения и понимания дискурса, Т.А. ван Дейк и В. Кинч выделяют следующие типы стратегий:

- пропозициональные стратегии;
- стратегии локальной когеренции (связности);
- продукционные стратегии;
- макростратегии;
- схематические стратегии;
- сценарные стратегии;

стилистические стратегии;
разговорные стратегии [Дейк, Кинч, 1988].

Стратегии, будучи обусловленными соотношением цели и последовательности действий в конкретной ситуации общения, нередко подвергаются ритуализации. Тогда определенные стратегии и соответствующие им цели и условия деятельности закрепляются за теми или иными социальными институтами и ролями, что важно для анализа языкового общения.

1.5.3. Когезия и когеренция дискурса

Говоря о терминах «когезия» и «когеренция», М.Л. Макаров отмечает, что во многих отечественных работах, особенно в русле лингвистики текста, закрепился термин «когерентность» (И.Р. Гальперин, З.Я. Тураева и др.). Данный исследователь считает, что последний термин представляется неточным употреблением, так как в русской терминологической традиции для латинской основы этого типа нормативным будет слово, оканчивающееся на *-енция*, по аналогии с *конференция*, *аудиенция* и др. [Макаров, 2003, с. 195].

Когезия, или формально-грамматическая связанность дискурса, определяется различными типами языковых отношений между предложениями, составляющими текст, или высказываниями в дискурсе. В своей классической работе по когезии текста М. Хэллiday и Р. Гасан предлагают рассматривать пять аспектов формально-грамматической связности дискурса:

- 1) указательную, личную и сравнительную референцию;
- 2) субституцию имени, глагола и предикативной группы;
- 3) эллипсис имени, глагола и предикативной группы;
- 4) союзные слова и другие коннекторы, выражающие одно из ограниченного набора отношений, причем весьма общих, связывающих разные части текста;
- 5) лексическую когезию, часто достигаемую повтором лексических единиц в смежных предложениях: посредством повтора одного и того же слова

или лексического эквивалента исходного слова, повтора родового понятия, коллокации и т.д. [Halliday, Hasan 1976, цит. по: Макаров, 2003].

Когеренция шире когезии, она охватывает не только формально-грамматические аспекты связи высказываний, но и семантико-прагматические (тематические и функциональные в том числе) аспекты смысловой и деятельностной (интерактивной) связности дискурса, как локальной, так и глобальной [Edmondson, 1981: 18, цит. по: Макаров, 2003, с. 195].

Когеренция – это не просто понятность текста и его смысловая цельность. Когеренция зависит от многих факторов, например, от типа социума как совокупного субъекта языкового общения (его однородности, статусно-ролевой структуры, типа деятельности и социального института, степени формальности, фиксированности темы и предварительной подготовленности, способа мены коммуникативных ролей и др.). Социально-психологические факторы, определяющие специфику общения и какого-либо коммуникативного события, оказываются важными регулятивами обменных отношений речевого взаимодействия: на более глубоком социопсихическом уровне коммуникативным ходам в структуре обменов соответствуют такие действия, как вызов, защита, отступление. Их правильное сочетание способствует обеспечению смысловой связности дискурса, воплощающейся в реализации соответствующих стратегий [Макаров 2003]. Взаимообусловленность когеренции дискурса и его стратегической организации представляется, по мнению М.Л. Макарова, весьма важным теоретическим моментом.

Как уже было упомянуто выше, когеренция проявляется на глобальном и локальном уровнях. Глобальная когеренция проявляется как соответствие каждого коммуникативного действия своему месту в общей макроструктуре взаимодействия, как соответствие каждой реплики своей роли в целом коммуникативном событии [Edmondson 1981: 19, цит. по: Макаров, 2003, с. 196].

Среди целей, которые преследуют коммуниканты, особо выделяются так называемые собственно текстовые цели (цели, сосредоточенные непосредственно на порождении и структуре дискурса: дать необходимую фоновую

информацию, привести пример, предложить аргумент). Как правило, в развернутых суждениях, монологах, предварительно подготовленном общении и письменных текстах по мере продвижения говорящего или пишущего к уровню конкретизации идеи, ее детализации, такие текстовые цели становятся доминирующими. Именно в этом аспекте предлагается говорить о локальной когеренции [Hobbs 1982: 227, цит. по: Макаров, 2003, с. 196]. Локальная когеренция включает все аспекты сочлененности дискурса: грамматическую, лексическую (например, коллокацию), логическую (коннекторы, риторические фигуры) и смысловую, семантико-прагматическую (экспликации и импликации, инференции, пресуппозиции).

Нельзя обойти вниманием такую важную категорию, как тематическая когеренция. Этот тип когеренции формируется вокруг глобальной темы дискурса или темы говорящего. Особенно наглядно это качество дискурса проявляется не в коротких фрагментах, а в более или менее значительных по объему текстах. Оно выражается в повторении определенных «мотивов» и «тем»: ключевых объектов, фактов, верований, когнитивных структур, социальных представлений, эксплицитно или имплицитно выраженных в дискурсе. Все они входят в семантическую макроструктуру глобальной темы дискурса, когнитивно опирающейся на макропропозицию или вершину модели референтной ситуации [Макаров, 2003, с. 196].

1.5.4. Метакоммуникация и дейксис дискурса

Метакоммуникация в самых общих чертах составляет ту часть общения, которая направлена на самое себя, на общение в целом и его различные аспекты: языковую ткань дискурса, его стратегическую динамику, структуру обменов и трансакций — фаз интеракции, меню коммуникативных ролей, представление тем, взаимодействие с контекстом, регуляцию межличностных и социальных аспектов взаимодействия, нормы общения, процессы обмена информацией и ее интерпретации, эффективность канала коммуникации [Leech, 1980, p. 33; Brown, Yule, 1983, p. 132-133].

Метакоммуникативные функции выполняют разнообразные элементы дискурса, от звука и интонации, частицы, междометия или слова до самостоятельных ходов и обменов.

Особый интерес исследователей дискурса привлекают знаки, сообщающие координаты данного высказывания в потоке речи относительно предыдущих и последующих коммуникативных действий (аналогично тому, как традиционный дейксис лица, места, времени ориентирует высказывание в физическом пространстве). В связи с этим языковые средства, обслуживающие метакоммуникативную функцию в отношении звучащего или письменного текста, рассматриваются как единицы дейксиса дискурса или дейксиса текста. Хотя в отличие от традиционных дейктических категорий лица, числа и времени, дейксис дискурса не обладает собственным набором языковых единиц, он часто используется для обозначения точки отсчета в системе координат какого-либо текста или дискурсивного процесса индексы места и времени (*As I said before... I've already told you earlier... Later I'll explain this rule... abovementioned, hereinafter represented by...*) [Макаров 2003].

Дейксис дискурса – это лишь одно из проявлений метакоммуникации в естественном общении. Еще одной особенностью метакоммуникации, по мнению Д. Вундерлих, следует считать так называемые речеорганизующие речевые акты. Выделяется четыре основные группы таких речевых актов:

- а) вербальные сигналы смены коммуникативных ролей;
- б) структурные, «рамочные» элементы, дейксис дискурса, определители темы, указания на значимость своего сообщения;
- в) заполнители пауз, соответствующие явлениям хезитации, во время которых говорящий когнитивно готовит высказывание или «подыскивает слово», а также акты коррекции, уточнения, редактирования уже сказанного;
- г) процедуры, направленные на обеспечение понимания, как, например, взаимные подтверждения об успешном вводе/выводе информации [Wunderlich 1976: 330-334, цит. по: Макаров, 2003, с. 198].

М.Л. Макаров считает, что не все из перечисленного выше может по праву называться метакоммуникацией, например, не все вербальные сигналы смены коммуникативных ролей могут быть квалифицированы как акты по поводуобщения: инициативный, предписывающий речевой ход предполагает смену говорящего, но сам по себе не сообщает ничего о ходе коммуникации (в этом случае можно сказать, что этот ход выполняет метакоммуникативную функцию, не будучи собственно метакоммуникативным ходом); в то же время акт предоставления слова в регламентированном общении (например, в зале суда) признается метакоммуникативным, так как этот компонент ситуации общения является темой хода и объектом регулятивного воздействия данного высказывания. Иначе говоря, метакоммуникативный элемент должен отсылать к общению [Макаров, 2003].

М. Стабз, говоря о метакоммуникации, имеет в виду прежде всего рефлексию, отображение компонентов речевой ситуации в дискурсе. Анализируя транскрипты обычных школьных уроков, М. Стабз выделяет восемь различных типов метакоммуникативных речевых актов, частично совпадающих с теми, о которых пишет Д. Вундерлих: привлечение или поддержание внимания, его демонстрация; контроль «количества сказанного»; проверка или подтверждение понимания; подведение итогов или обобщение; определение или перефразирование; редактирование; коррекция; уточнение темы [Stubbs 1983: 50-53, цит. по: Макаров, 2003, с. 199].

Некоторые исследователи, среди них Г.Г. Почепцов и Т.Д. Чхетиани, предлагают различать фатическую коммуникацию, для которой наиболее значимыми являются контакт и канал как типы метакоммуникативных ходов по функциональной нацеленности на мониторинг того или иного аспекта ситуации общения [Почепцов 1981; Чхетиани 1987]. Должна учитываться также характеристика носителей знака: звук или письмо, их физические особенности, например, артикуляция или почерк; а также технические средства коммуникации, такие как телефон, факс, электронная почта.

К категориям контакта и канала следует относить:

элементы и ходы, обеспечивающие привлечение и поддержание внимания(например, широко распространенные «вводные» слова *well, look, you know, listen*, а также обращения по имени, титулу, прозвищу *Mr. Speaker, Mickie, Madam, Sir, Doc, Officer; Hey, mister* т.п.);

сигналы, обеспечивающие мониторинг восприятия и понимания(*yes, yeah, ok, I see, all/right, I am listening, I hear you perfectly, I understand*); контролирующие запросы со стороны говорящего (*Do you follow me? Repeat what I've said. Is it clear? Are you with me? Are you listening?*), переспросы-«петли» со стороны адресата (*what? pardon? I don't get it. Sorry, could you say this again?*), а также исходящее от любой стороны информирование о неудаче общения в целом (*I can't get through to you. We don't seem to be on the same wave length*);

высказывания и их компоненты, регулирующие физические параметры канала(*Speak up! I can't hear you. The feedback's awful, I'll call you back in a minute. Don't talk with your mouth full! No one can read our scribbles*)

ходы, с помощью которых осуществляется мониторинг межличностных и социальных отношений в речи (*Don't you dare talk to me like that! Who do you think you're talking to? You are the boss. You must know your place. Don't sir me. Now I'm talking not as your boss, but as your friend*);

- элементы, с помощью которых осуществляется контроль за соблюдением норм общения, включает обширную группу элементов разного уровня, а также разной функциональной направленности:1) элементы, регулирующие стиль речи и тональность общения, в частности вежливость (*Don't use that tone of voice with me! Watch your tongue! You're not in the barracks!*); 2) элементы, охраняющие нормы взаимодействия и типа института (*Mr. Speaker, off the record! Each of you may ask only one short question*);

единицы, с помощью которых осуществляется мониторинг смены коммуникативных ролей (*Senator Jones will have the floor now. Mr. Brown, you cannot have the floor twice. John, let your brother say a word. If I may interrupt you...*)[Макаров, 2003, с. 199-200].

Узко коммуникативный аспект направлен на мониторинг формы и содержания сообщения. Содержание реализуется в категориях количества (объема и достаточности сообщения), качества (истинности и достоверности хода), релевантности и уместности (темы и предмета общения, отношения к контексту), искренности, предварительных условий и других семантико-прагматических свойств дискурса, соответствующих постулатам кооперативного общения Грайса и условиям успешности речевых актов.

Формально-языковая организация сообщения обусловлена процессуальным характером общения, что предполагает маркирование его начала, конца и структурных фаз, например, выделение элементов аргументативных структур, редактирование лингвистической формы сразу по ходу общения: перефразирование и коррекция; заполнение пауз, «холостые» или «пустые» ходы, выигрывающие время и т.д. Из числа формальных метакоммуникативных элементов выделяются маркеры начала, структурирования и окончания(*first of all, before I answer your question, on one hand — on the other hand, to conclude, finally*), элементы редактирования(*in other words, to recapitulate, to sum it up, anyway, as I was saying*).

Кроме того, встречаются метакоммуникативные элементы, отражающие содержание сообщения:1) качество сообщения, т.е. истинность, достоверность, его оценку самим говорящим и в связи с этим – искренность автора высказывания(*Do you believe it is really true? I'm dead sure. I mean it. Frankly. Evidently. Metaphorically speaking*);2) количество речи (*You've said enough! This letter is just wordy. Is that all you want to tell us?*);3) релевантность сообщения (*This has nothing to do with the problem. Are you sure this is the case?*);4) уместность сообщения в ситуации(*Not here! I don't want to discuss it now. Not over the phone*).

Необходимо отметить, что в дискурсе метакоммуникативные единицы и акты, как правило, полифункциональны, например, фразы типа *Well..., You know..., By the way* не только отмечают структурное членение дискурса или

представление темы, но и привлекают внимание адресата, облегчают восприятие и т. д. [Макаров, 2003, с. 200-201].

К интеракционным аспектам общения относятся следующие категории, воплотившиеся в метакоммуникативных элементах дискурса: 1) тип общения, процедурный сценарий взаимодействия и, соответственно, тип дискурса; 2) субъект общения и связанные с ним типологические особенности группы; 3) социально-ролевые и межличностные отношения; 4) разнообразные нормы общения, его тональность, степень фиксированности темы, структура обменов, мена коммуникативных ролей, уровень формальности и степень предварительной подготовленности и т.д.

2. ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

В данной части работы продемонстрируем использование методик коммуникативного и интерпретативного типов дискурсивного анализа, которые подтверждают теоретические положения, рассмотренные в первой части работы.

2.1. ПРИМЕР КОММУНИКАТИВНОГО ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

В качестве примера коммуникативного дискурсивного анализа приведем исследование А.А. Колобовой, целью которого является «комплексное изучение и описание корпоративных кодексов как продуктов корпоративной речевой коммуникации, построение на этой основе социопрагматической теории корпоративного дискурса и разработка теоретической базы для оптимизации корпоративного дискурса» [Колобова, 2008, с. 5].

Более подробно остановимся на двух аспектах исследования: «Американский корпоративный дискурс как пропозициональная структура» и «Категория референции в макро-речевых актах американского корпоративного дискурса». При этом в качестве материала исследования выступают тексты корпоративных кодексов таких американских компаний, как Computer Service Partners, Eastern Bank, Rockville Bank, American Express и др.

2.1.1. Американский корпоративный дискурс как пропозициональная структура

Рассматривая пропозициональную структуру корпоративного дискурса, автор исследования опирается на термин «пропозиция», под которым в теории речевых актов понимается «содержательная сторона речевого акта или отражение определённой части действительности, реализованное в определённой форме в соответствии с намерением говорящего» [Колобова, 2008, с. 56-57].

Характеристика речевого/макро-речевого акта осуществляется через рассмотрение его пропозиции и иллокуции в совокупности, поскольку в речевом акте выделяются два базовых компонента: суждение и функция" [Дж. Р. Сёрл, с. 211].

Исследование текстов корпоративных кодексов показывает, что на основании пропозиционального содержания выделяются следующие части:

- Миссия компании;
- Ценности компании;
- История компании;
- Компания как "корпоративный гражданин";
- Преимущества работы в компании;
- Правила работы в компании.

В последнем разделе выделяются более частные пропозиции, касающиеся отдельных групп правил работы в компании:

административные и уголовные законы (антимонопольное право, использование нелегальных источников информации, дискриминация, домогательства);

использование служебного положения для личных целей или "конфликт интересов";

конфиденциальность информации;

безопасность (курение, употребление алкоголя и наркотических веществ, ношение оружия на территории компании и/или во время исполнения служебных обязанностей);

информирование о нарушениях правил;

дисциплинарные меры.

В разделе "Миссия компании" излагается пропозиция о предназначении компании - вневременная цель компании и её обязанности перед обществом, клиентами, сотрудниками, партнерами по бизнесу, государством, социумом и окружающей средой. Например:

We will proactively pursue and respond to the needs of clients by rendering a wide range of high-quality professional services commensurate with our collective abilities and representing true value in relation to cost. Although we will continue to operate the firm in conformance with sound business practices, we will remain a professional firm with our primary emphasis on serving, not profit.

(Plante&Moran)

В разделе "Ценности компании" реализуется пропозиция, касающаяся средств достижения поставленной компанией цели. В нём излагаются приоритеты ведения бизнеса, кадровой работы и участия в жизни общества. Например: *We start with trust...We care...We are a team...We hold high expectations...We have fun...*

We support our community...We treat others as they wish to be treated... We hold high expectations...

(Vision Service Plan)

Раздел "История компании" описывает историю основания и развития компании. Приводятся факты успешного преодоления компанией экономически трудных временных периодов; предпринятых лидером (и/или основателем) действий и принятых решений, которые положительно сказались на успехах компании - так называемые "корпоративные мифы". Например: *Back in 1897, in the Midwestern farming community of Orrville, Ohio, Jerome Monroe Smucker pressed locally grown apples into cider and apple butter. True to his upbringing, Jerome took great pride in a job well done and signed the lid of every crock of apple butter as his personal guarantee of quality. By adhering to a very simple set of Basic Beliefs, The J.M. Smucker Company grew and prospered. Today, our marketplace is the world.*

(J.M. Smucker Company)

В разделе "Компания как "корпоративный гражданин" реализуется пропозиция о благотворительной деятельности компании, экологически-безопасных технологиях, используемых в производственных процессах, и

различных видах общественно-полезной деятельности, в которых принимают участие сотрудники. Например:

We see environmental protection as one more way that Genentech can help enhance and extend lives.

(Genentech)

В разделе "Преимущества работы в компании" излагается пропозиция, касающаяся материальных, социальных и эмоциональных факторов, привлекающих для потенциального сотрудника компании. Описывается психоэмоциональный климат в компании, социальный пакет компании, возможности профессионального и карьерного роста. В некоторых корпоративных кодексах приводятся высказывания сотрудников о том, почему они выбрали именно данную компанию. Например:

"I figured this would be a temporary job. But my mind changed once I saw how the employees are treated. The pay, not to mention the opportunities, also impressed me. I decided pretty quickly that this was for me".- Bob Haag, Store Manager, St. Louis Division.

(Quik Trip)

В разделе "Правила работы в компании" пропозиция реализуется в виде инструкций по осуществлению производственной деятельности и основных принципов общения между сотрудниками, а также с клиентами, обществом, деловыми партнерами и конкурентами. Например:

Genentech's business is to be conducted with honesty and integrity and in accordance with the exercise of good judgment and with Genentech's various policies and procedures. ...Business opportunities discovered through use of Genentech property or information or through a position at Genentech are not to be taken for personal benefit. Genentech property, information and positions should not be used for personal gain. Officers, directors and employees owe a duty to Genentech to advance its legitimate interests when the opportunity to do so arises. An employee, officer or director should not compete with Genentech, directly or indirectly.

(Genentech)

Необходимо заметить, что не все корпоративные кодексы (23% из исследованных) содержали раздел о правилах работы в компании, либо представили его в полном объеме. Корпоративные кодексы были представлены на сайтах компаний, и, по-видимому, некоторые компании сочли данную информацию предназначенной для сугубо внутреннего использования.

Как видно из анализа пропозициональной структуры корпоративного дискурса, деление корпоративного кодекса на разделы отражает его развёртывание как последовательности макро-речевых актов. Наличие пропозиции в нашем выделении макро-речевых актов является определяющим критерием [Колобова, 2008, с. 56-60].

2.1.2. Категория референции в макро-речевых актах американского корпоративного дискурса

Изучение категории референции в макро-речевых актах американского корпоративного дискурса предлагаем рассмотреть на примере трех частей дискурса: "Миссия компании", "Ценности компании", "Компания как корпоративный гражданин".

Исследование средств, осуществляющих референцию дискурса к контексту, позволит проанализировать взаимосвязь коммуникативно-речевых структур и некоторых объективных параметров коммуникативной ситуации. Задача заключается в исследовании функционирования дейктиков личного, временного, пространственного и социального действия в макро-речевых актах корпоративного дискурса:

- инклюзивные местоимения первого лица множественного числа;
- эксклюзивные местоимения первого лица множественного числа;
- местоимения второго лица;
- местоимения третьего лица и их референты;
- онорифики;
- пространственные дейктики;

временные дейктики;
слова, имеющие дейктический компонент (пространственно-временные, личностные и социальные ориентиры коммуникации).

Рассмотрение видо-временных форм глагола как дейктических средств, направлено на то, чтобы охарактеризовать их как средство референции. Обозначение временных параметров коммуникативной ситуации и наличие или отсутствие временной дистанции между адресантом и адресатом является средством указания на временные параметры контекста.

В результате исследования текстов корпоративных кодексов можно говорить об определенных моделях референции к ситуативным (участники коммуникации, временная и пространственная локализация) и социальным (статус коммуникантов и дистанция между ними) параметрам контекста корпоративного дискурса.

В макро-речевых актах "Миссия" и "Ценности компании" представлены личный и временной виды дейкиса. Из личных дейктиков в 75% текстов используется инклюзивное *we* в 25 % - название компании в качестве субъекта. Это даёт основание утверждать, что преобладание инклюзивного местоимения первого лица множественного числа направлено на инкорпорирование нового сотрудника и принятие им ценностей компании. Временной дейкис представлен формами простого настоящего времени, подчеркивающими постоянство выполнения обозначенных действий, и простого будущего времени (намерение совершить действие):

Our mission is to offer the highest quality, least processed, most flavorful and naturally preserved foods. We are dedicated to creating a respectful workplace where people are treated fairly and are highly motivated to succeed. And, we believe companies, like individuals, must assume their share of responsibility as tenants of the Earth.

(Whole Foods Market)

В макро-речевом акте "Компания как "корпоративный гражданин" представлены личные, пространственные и временные дейктики.

Личный дейкис в данных разделах представлен эксклюзивными *we/our/us, the Company* и названиями компаний. Функционирование данных дейктиков в определенных сочетаниях друг с другом и по отдельности репрезентирует определенные модели коммуникативных ситуаций в компаниях:

- в 83% текстов сочетание *theCompany* с *we/our*, где оба выступали субъектом общественно-полезной деятельности, репрезентирует одновременно и значимость достижений компании в данной области и участие в общественно-полезной деятельности адресанта (группы людей, обозначенной *we*, к которой может присоединиться адресат):

Since we, first opened our doors back in 1978, we've been proud of our involvement with non-profit organizations nationally, as well as in local communities where our stores are located. From product and gift card donations, to volunteer time from employees, the company finds it very important to be a good corporate neighbor and to be an active participant in the community.

(The Container Store)

Through support of volunteer eye care professionals who provide essential care, Alcon ensures that those in need of our help receive it.

(Alcon)

- в 17% текстов используется исключительно название компании / *the Company*, что подчеркивает значимость достижений компании в области общественно-полезной деятельности, но дистанцирует адресата от данной ситуации. *In 2006, JMFamily contributed more than \$40,000 to charitable organizations on behalf of associates as part of the company's Dollars for Doers program.*

(JM Family)

Социальный дейксис представлен именовани^{ем} сотрудников *employees, members of ...-family, crew members, team members, stuff members, our stuff, partners* и *associates* (последние два в кодексах торговых компаний):
All associates have an opportunity to participate in the growth of the company by acquiring ownership in it.

(Gore)

At Sherwin-Williams, we're proud of the company we keep - our family of loyal employees.

(Sherwin-Williams)

Временной дейксис объективируется формами простого настоящего времени (для описания принятой практики взаимодействия с обществом), простого прошедшего (для описания того, что компания сделала для развития общества и сохранения окружающей среды) и настоящего совершенного времени (для того же, но с акцентированием внимания на результативности общественно-полезных действий компании):

While we serve coffee to the entire world, we strive to meet and respect the interests of our local communities.

(Starbucks)

We collaborate with diverse organizations throughout the world to develop and support outstanding science education and health-related programs.

(Genzyme)

Пространственный дейксис представлен словами и словосочетаниями с действительным компонентом, описывающими большой или меньший охват общественно-полезной деятельности компании (в некоторых текстах присутствуют дейктики нескольких уровней):

- на уровне города, в котором располагается офис компании (в 20% случаев):

QUALCOMM helps make Shakespeare accessible for teenagers throughout San Diego and Tijuana through our support of the Shakespeare Unplugged education initiative.

(QUALCOMM)

- на уровне штата (в 10% случаев):

For 30 years, Station Casinos has been a leader in contributing to a variety of organizations throughout Southern Nevada seeking to improve the overall quality of life for those in need in our community.

(Station Casinos)

- на уровне США (в 25 % случаев):

REI is sharing our success with our communities by dedicating \$1 million to 100 community parks across the country.

(REI)

- во всем мире (в 45% случаев):

At REI, we are reducing our own greenhouse gas emissions in order to reduce our footprint on the planet.

Во всех текстах присутствует слово *local community*, нередко в сочетании *our local communities*, в том числе и когда речь идет о предприятиях и представительствах компании, расположенных по всему миру, что подчеркивает тесные связи компании и общества:

Since we first opened our doors back in 1978, we've been proud of our involvement with non-profit organizations nationally, as well as in local communities where our stores are located.

(The Container Store)

Our employees actively volunteer their time in support of local schools and non-profit organizations worldwide.

(Intel)

Основываясь на результатах исследования дейктиков в кодексах корпоративного поведения, можно говорить о том, что различного вида дейктики выступают важным средством инкорпорирования адресата в компанию и ее положительной репрезентации в его/ее сознании. В тех случаях, когда модель коммуникативной ситуации является коммуникативно-опасной,

используются дейктики, дистанцирующие адресата от данной ситуации. В контексте репрезентации компании адресату (миссия, ценности, история и описание преимуществ работы в компании) использовались дейктики, приближающие адресата и адресанта:

- прямое обращению к адресату;
- инклюзивное *we*;
- эксклюзивное *we* (с положительной репрезентацией группы);
- формы настоящего простого и совершенного времени;
- наречие *here*;
- отсутствие или наличие онорификов (для придания коммуникативной ситуации большей неформальности или подчеркивания достижений отдельных личностей) [Колобова, 2008, с. 86-102].

2.2. ПРИМЕР ИНТЕРПРЕТАТИВНОГО ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

В качестве примера интерпретативного дискурсивного анализа предлагаем рассмотреть исследование М.Л. Макарова, подробное описанное им в работе «Основы теории дискурса». В качестве материала исследования выступает реально наблюдавшийся автором эпизод общения в американском университете.

2.2.1. Этнографический протокол ситуации

Этнографический протокол ситуации представляет собой краткое описание ситуации.

Культурный контекст: первый в семестре семинар докторского (Ph. D.) уровня в американском университете штата Массачусеттс (г. Амхерст) на факультете коммуникации. Место данного фрагмента в сценарии коммуникативного события: решение «разных» организационных вопросов по окончании главной «тематической» части семинара.

Время: 17.25 (конец семинара).

Место: средних размеров аудитория, равномерно освещена, столы поставлены в форме прямоугольника так, что все присутствующие сидят лицом к центру помещения.

Состав группы: преподаватель (**D** – мужчина лет 45), 11 докторантов: **B, M, J, R, P, S, W, A, E, C, K**. Из них: **R, M, P** – мужчины 24-26 лет, **W** – молодежь; **Si J** – его ровесницы; **B, A, K** – женщины средних лет, все трое работают в университете преподавателями на других факультетах; **C** и **E** – самые молодые девушки из принимавших участие в обсуждении. Все сидят за столами.

История группы: в целом группа почти новая, в таком своем составе она встречается второй раз, но докторанты **J, R, M, P, S, C** знакомы третий год и имеют большой опыт работы в таком составе – они входят в исследовательскую группу (более года), руководителем которой является **D**; в то же время **A** и **K** хорошо знакомы между собой (они работают вместе на кафедре педагогики, видимо, поэтому сидят рядом); **B, E, C**, как и остальные участники, вербально не принимавшие участия, до предыдущего (первого) занятия знали друг друга поверхностно. **M** и **C** симпатизируют друг другу и сидят вместе.

Цель группы: создание оптимальных условий для проведения семинарских занятий в будущем, поддержание благоприятного климата в группе через мягкое, бесконфликтное решение внутренних проблем.

Форма: устная речь.

Тональность: неформальная, непринужденная, в основном эмоционально нейтральная.

Стиль дискурса: разговорный.

2.2.2. Транскрипт

- D 1:** ^{by}the way,
2 did you have a chance to check the store for ^{my} NEW book?
B 3: [[ye--
M 4: [[we went there [and--
J 5: [^{there were} only FIVE of em,
6 sold out in a day.
D 7: i see. # озабоченно напрягает лоб #
(1.9)

8 erm the ORDER was placed TEN DAYS ago.
 9 i hope by the end of the week ..eh ...
 10 there'll be MORE: of THESE:: in the bookstore outlet.
 @ поднимает книгу на уровень лица @
 M 11: could W- could we buy a copy from you?=
 R 12: =ooh::/ \ ten-dollar [special uh]? {короткий смех}
 D 13: # улыбаясь # [i think: ..] i still have two or three.
 14 stop by my office after the class.
 (1.3) @ D начинает укладывать портфель @
 P 15: Don\ ...
 16 you know/ ..
 @ D прекращает укладывать портфель, поворачивается к P @
 17 i'mkinda-- i'm low on money this semester and_=
 D 18: =yes\ [Pete/]
 P 19: [i-- ..] i just wanna ask ..
 20 is it possible to have one set in the library?
 21 >>>i checked yesterday,=
 D 22: [ah-ha/ @ D внимательно смотрит на P @
 P 23 = [and they didn't have ANYTHING AT ALL from the list,
 24 neither the BOOKS/ nor the PACKAGE\.
 D 25: uh-ho! # удивленно #
 26 there must be_ — # нахмуясь # uhm . . . { качает головой }
 27 i'll arrange to put at LEAST one set in the reserve, okay:?
 P 28: [[thank you.
 C 29: [[^{this will be} real:: HANDY. =
 E 30: =yope \ / ..it'll help.

Можно начать анализ данного фрагмента (в масштабе реального времени этот образец общения длился немногим менее двух минут) с вычленения единиц дискурса (транзакций, обменов, ходов) и посмотреть, чем же общение в малой группе отличается от диалога в диаде, и в каких коммуникативных формах воплотились когнитивные и психологические особенности принятия решения. Во всем этом коротком эпизоде заметно, что структурно обозначены две вполне самостоятельные транзакции: 1-14 и 15-30.

2.2.3. Первая транзакция

Первая транзакция (1-14) в качестве своей глобальной темы использует ситуацию, связанную с рекомендованной для обязательного чтения по данному курсу только что вышедшей книгой профессора D, которую пока еще не успели купить все участники семинара: этот предмет эксплицитно заявлен самим профессором в (2) *—my new book*, действительно поддерживается в (5) и (10), в по-

следнем случае демонстративно, в (11) с помощью кореферентной субституции *a copy*; в (13), вслед за (5), где был введен квантификатор, посредством эллиптической конструкции с числительным *I still have two or three*.

Сценарий покупки нужной книги через филиал университетского магазина реконструируется в ряде высказываний. Во-первых, место называется в (2) *the store* и (10) *the bookstore outlet* и анафорически указывается в (5) *there were*. Во-вторых, эксплицирован центральный «мотив» купли-продажи предикатами в (11) *buy* и (6) *sold out*. В-третьих, в дискурсе этого эпизода выступают такие факультативные этапы сценария купли-продажи, как заказ книг преподавателем через университетский магазин (8-10), что включается лексикой *the order was placed*, и распродажа ограниченного количества «авторских» экземпляров профессором D по более низкой цене (11-14), причем последняя тема хотя и вводится в (11) фразой *buy a copy from you*, но все же наиболее яркое воплощение находит в (12): *ten-dollar special*, что не просто эксплицирует цену, но и включает микросценарий «распродажа», прочно ассоциируемый со словом *special*. Таким образом, хорошо видно, как разными членами этой группы, т.е. именно коллективно конструируется коммуникативная модель события, в данном случае выстраивается речевой, дискурсивный сценарий купли-продажи книг, по которому можно судить и о соответствующей когнитивной модели.

В целом транзакция (1-14) характеризуется весьма высоким уровнем глобальной тематической когеренции, локально данный фрагмент дискурса также не страдает от семантических провалов и разрывов, хотя и не претендует на роль эталона когезии.

С интеракционной точки зрения первая транзакция может быть рассмотрена как процесс решения проблемы (здесь не надо понимающе иронизировать о равнодушии и даже субъективной предрасположенности автора к этому жанру, просто он на самом деле чрезвычайно распространен, что нами просто не всегда осознается). Преподаватель D контролирует ход подготовки докторантов, что предполагает приобретение набора книг и специального

пакета материалов для чтения, партия его только что опубликованной книги должна поступить в университетский магазин. На вопрос (2), который в этом контексте инференционно интерпретируется не только как запрос информации о том, есть ли его новая книга в магазине, но и о том, купили ли ее студенты, **Д**получает от **Ж** отчасти от **Е** и **М**ответ, фиксирующий проблемную ситуацию, сущность которой сформулирована в ходах (5-6). Следующими за этим ходами **Д**сначала подтверждает свое восприятие данной проблемной ситуации, где как раз возникает интересубъективное ощущение проблемности референтной ситуации – (7), после чего он приводит оправдывающий аргумент (8), подводящий к (9-10), где опять же инференционно присутствует смысл предлагаемого **Д**решения: подождать до конца недели.

На этом можно было бы и закончить, но в разговор вступает **М**, который своим ходом (11) предлагает иной вариант решения, во многих отношениях более выгодный студентам (у **Д**они купят книгу раньше и дешевле), одновременно иницируя языковую игру *выгодной сделки*, что находит оценку в очень интересном ходе **Р** (12), с одной стороны, иронично комментирующем реплику (11) посредством переноса языковой игры в плоскость социальной репрезентации *скидка*, что в США можно признать культурной универсалией, с другой стороны, уточняющем цену книги в случае прямой покупки из рук профессора (этим символизируется заинтересованность **Р**в аналогичной покупке). Ответ (13-14) во-первых, санкционирует сделку, но, во-вторых, ограничивает ее объем, оставляя в силе ранее предложенное **Д**решение для большинства членов группы. Можно предположить, что приглашение купить книгу за \$10.00 распространяется главным образом на **Ми** **Р**. Согласие на этот вариант решения подкрепляется экспликацией нового места и времени покупки книги в (14), что соответствует модификации стандартного сценария *покупка учебника* в его факультативную форму *покупка авторского экземпляра* (место₁– книжный филиал университетского магазина, место₂– офис профессора; время₁– ит конец недели, время₂– сразу после данного занятия).

Первая трансакция как бы распадается на три части: (1-7), (8-10) и (11-14). Каждую из этих частей можно назвать сложным обменом, хотя в каком-то смысле обменов здесь можно насчитать больше. В традиционных работах по дискурсивному анализу не так легко найти описание обменов, включающих такое количество разнообразных ходов и актов в составе реплик, принадлежащих сразу многим участникам общения. Теория речевых актов попросту не может справиться с таким материалом. Конверсационный анализ часто игнорирует со своей стороны собственно лингвистический разбор высказываний, куда больше внимания уделяя стыкам реплик, мене коммуникативных ролей. Анализ в рамках информационно-кодовой модели коммуникации по сути отбросил бы несколько ходов как неинформативные. Но комплексный анализ позволяет избежать этих промахов.

Первый сложный репликовый шаг состоит из двух ходов: (1) служит ярким примером метакоммуникативного элемента, который открывает реплику и вводит новую тему. В некоторых классификациях он называется дискурсным маркером или маркером изменения темы [Schiffrin 1987; Blakemore 1992 и др.], в традиции Бирмингемской школы он называется обрамляющим [Зернецкий 1987: 93; Coulthard 1985: 123; Sinclair, Coulthard 1992: 7; Francis, Hunston 1992: 128], А.А. Романов [1988: 97] называет подобные единицы «стартерными регулятивами ввода тематической информации». С психологической точки зрения этот ход контролирует внимание собеседников, с социальной точки зрения – символизирует особую значимость следующего сразу за ним сообщения для присутствующей группы.

Центральным тематическим и прагматическим компонентом всего первого репликового шага, придающим ему семантическую наполненность и функциональную направленность, является (2) – вопрос. Можно отметить социально мягкую форму вопроса, вежливость которого достигается направленной на максимум релевантности и предварительные условия вопроса лексической вставкой (*have a chance*), придающей не прямой характер высказыванию, ср.: **2did you check the store for my new book?*

Сложный репликовый шаг (1-2) благодаря ходу (2) можно охарактеризовать, во-первых, как инициативный, а во-вторых, как предписывающий, т. е. задающий такие условия, в которых самым нормальным, наиболее вероятным реактивным коммуникативным ходом должен быть прямой или косвенный ответ на вопрос, иначе говоря, предписанный речевой акт.

В данном фрагменте очень хорошо видно, что в отличие от общения в диаде позицию реакции в структуре обмена занимают сразу несколько ходов (3), (4), (5) и (6). Нельзя недооценивать и тем более сбрасывать со счетов самый короткий, неполный ход **Е** (3), чисто информационная ценность которого не так уж велика, но его социально-психологическое значение достаточно весомо: **Е** знает, что его вопрос вызвал активную реакцию, «нашел отклик в широких массах»: вероятно, **Е**, как **Ми J**, ходила в книжный магазин и знает о сложившейся ситуации. Поскольку произошел сбой в мене коммуникативных ролей, **Е** «отказалась от слова» в пользу **Ми** прервала свое высказывание, однако инференции, которые **Ди** все остальные могли сделать на основании первого слога оборвавшейся реплики и более всего – на основании самого факта попытки **М** вступить в коммуникацию, изменили общий intersубъективный эпистемический и интерактивный контекст. (3) играет одну из главных ролей, когнитивно психологически, в рамках первого сложного обмена и всей трансакции: то, что **Е** не вступила в разговор вновь после сообщения **Ми J**(4-6) или чуть позже, сразу после (7), когда ситуация для этого была очень благоприятной, дает возможность сделать вывод о непротиворечивости смысла ее несостоявшейся реплики тому, что сказали **Ми J**.

Кстати, то, что **Е** отрекалась от права голоса в пользу **М**, тоже говорит о многом, причем даже не столько о простой статусной асимметрии (возраст, пол, образование), сколько о неоднородном коммуникативно-психологическом климате коллектива, где есть ярко выраженная группа с долгой историей (напомним, что **J, R, M, P, S, C** имеют большой опыт совместной работы и общения с **Ди** меньшую социально-коммуникативную дистанцию в диалоге с

ним). Здесь можно добавить наблюдение о роли местоимения *we* (4) в создании социального коллективного образа «Я» этой общности в группе, а также исключительной роли общего знания, в первую очередь, **Ди** его способности к индуктивным инференциям для снятия проблем референции, выведения экспликации, наполнения *we* реальным смыслом: понятно, что **М** ходил в магазин с кем-то из **J, R, M, P, S, C**; а развитое у них чувство групповой сопринадлежности позволяет ему сказать *we* там, где любой другой американец, особенно в новой группе, употребил бы *I*. И все же референция *we* остается «размытой», а это уже наводит на мысль о когнитивной роли неопределенности.

Сбой в мене коммуникативных ролей, упомянутый выше и выразившийся в одновременном начале двух ответных реплик, немислим в двустороннем общении. Такой же коммуникативной «аномалией» является коллективное авторство сложного хода (4-6), реализуемого двумя участниками в двух отдельных репликах и составляющего единую реакцию на инициацию (1-2).

Подхват на стыке **M4::J5** – это не такое уж редкое явление в групповом общении. Оно очень просто объясняется когнитивно: в феноменологическом поле участников данного коммуникативного акта общее знание предметно-референтной ситуации и большой опыт совместной работы создают такой уровень кооперативности, что (4) моментально активирует продолжение (5), а «спусковым крючком» подхвата становится слово *there*: едва **М** произносит это слово, как вступает **J**, начиная свое высказывание с него же. Это явление встречается довольно часто: слово или короткая фраза попадают в фокус внимания и активируются столь интенсивно, что могут стать доминантой дальнейшего хода диалога, будучи наиболее доступным языковым средством в оперативной памяти. Иногда это срабатывает еще на уровне восприятия, до попадания в фокус внимания – то, что называется иконическим хранением (*iconicstore*) для зрительных восприятий и эхоическим (*echoicstore*) для слуховых. Визуальный или акустический образ держится в этом состоянии до 2 секунд – именно это время вербальный сигнал циркулирует по

артикуляционной петле «внутреннего голоса» – вербальной репетиционной системы рабочей памяти. Поэтому, услышав вопрос, мы порой начинаем переспрашивать, хотя в тот самый момент, когда мы произносим *Что?* Или *Pardon?*, мы вдруг уже хорошо осознаем, что именно нас спросили: не успев когнитивно освоить сообщение на входе, мы, не замечая того, проиграли его заново своим «внутренним голосом» и успешно проинтерпретировали его «эхо».

Точно так же мы иногда абсолютно автоматически, по сути бессознательно (об интенциональности и говорить не приходится) произносим что-то из наиболее непосредственного контекста – то, что ближе, что «на слуху» и «вертится на языке». *There* стало в рассматриваемом примере важным «ключом контекстуализации» нового возможного мира и не случайно сыграло столь заметную роль в подхвате.

Завершает сложный ответ ход (6). Его роль видится не столь репрезентативной, как у (4-5). Ответ все равно состоялся бы без (6): (4) и (5) вполне достаточно, чтобы вычислить необходимую импликацию, что всем книг не хватило (в теории релевантности это относится к контекстуальной импликации) но (6), несмотря на избыточность, выполняет важную риторическую функцию дискурсивного конструирования проблемной ситуации и в этом смысле намечает пути развития диалога, приведшие к (8-10). (6) в терминах теории релевантности – это независимое от контекста усиление или подтверждение: новое знание, которое слушающие получили, проинтерпретировав это высказывание, особенно его экспликутуру, подтверждает импликацию предыдущих ходов и однозначно указывает на то, что книг в магазине не осталось, в то время как (4-5) прямо на это не указывали и не исключали маловероятной возможности того, что пара книг «завалилась».

Если (1-2) служит примером сложного инициативного хода, а (3-6) – реактивного, то (7) – это типичный образец того, что принято называть откликом или же согласием в не самом удачном переводе П.В. Зернецкого [1987]. В нашем фрагменте дискурса (7) нельзя интерпретировать как акт

согласия, он удостоверяет лишь восприятие адресатом смысла (3-6). При этом необходимо помнить, что многие нередко путают самостоятельные отклики с не имеющими автономного статуса поддерживающими контакт сигналами обратной связи (back channel behaviour). Хотя у них есть много общего, в дискурсивном анализе их лучше не смешивать, как по причине различий в их функциональной нагрузке, так и вследствие их принципиально иной структурной оформленности (выделенность менами коммуникативных ролей и интонационно-просодическими средствами – среди главных отличий). Базовой структурой обмена считается наряду с двухместной моделью IR (initiation-response), объединяющей инициативный речевой ход с реактивным, дополненная откликом трехчленная модель IRF (initiation-response-feedback), воплотившаяся с «осложнениями» в (1-7).

После (7) наступает довольно интересный момент: как выше уже отмечалось, на стыке ходов (7) и (8) образовалась отличная возможность для передачи коммуникативной роли, обозначенная как дискурсивно, так и внеязыковыми маркерами (в частности, направлением взгляда **Д** и его мимикой). Но от членов группы так и не поступило соответствующей инициативы, вследствие чего предыдущий говорящий **Д** сохранил за собой право голоса. После заметной невокализованной паузы, которую он держал, закрыв сложный обмен (1-7), ощутив необходимость продолжать, он еще не был готов к новому речевому акту, поэтому прибегнул к долгому вокализованному заполнителю паузы *erm*, во-первых, давшему время на когнитивную подготовку следующего хода, а во-вторых, «забронировавшему» ему право голоса, сигнализируя всем остальным о решении **Д** продолжать.

Этот момент на стыке (7) и (8-10) весьма примечателен для процесса принятия решения: проблемная ситуация названа, а ее анализ и решение группа фактически отдает в компетенцию **Д**, отказавшись от слова после (7).

С дискурсивной точки зрения регулятивом, которым группа воспользовалась в этом любопытном моменте, стало коммуникативно значимое молчание. Этот маленький пример наглядно показывает, что «аудитория» в

многостороннем общении играет далеко не ту пассивную роль, которую ей иногда отводят. Можно утверждать, что роль данного прагматического фактора в коллективном общении выше, чем в классическом диалоге в диаде.

Не столь очевидной оказывается структурная роль шага (8-10), и исследователь (не первый и не последний раз) оказывается перед дилеммой: включить ли его в первый сложный обмен или выделить в какую-то самостоятельную структуру, минимально-интерактивный «кирпичик» в конструкции данного дискурса. В пользу последнего решения есть несколько доводов, хотя явного вербального обмена в его привычной форме вроде бы нет. Но (8-10) все же представляет собой реактивную часть относительно самостоятельного обмена. Что касается его инициативной части, то отсутствие ее вербальной манифестации еще не означает, что ее нет на функционально-смысловом или интерактивном уровне. Коммуникативно значимое молчание, конституирующее нулевой ход, насыщено импликатурами, инференционно выводимыми из **R**₁ и **R**₂ предыдущего обмена, а также общего фонда знаний, той его рубрики, что фиксирует права и обязанности членов группы: преподаватель сам несет ответственность за своевременный заказ учебной литературы. К тому же **D**еще и автор данного учебного пособия, поэтому он, имея дело с издательством, оказывается в позиции не только ответственного, но и наиболее осведомленного члена группы, что приводит к молчаливому, но требовательному выражению коллективных экспектаций относительно решения проблемы именно преподавателем после (7). Реакция **D**в (8-10) это подтверждает и ретроактивно наделяет молчание инициативностью.

Репликовый шаг (8-10) дает нам пищу для дискурсивно-психологических размышлений. Сначала (8) риторически уводит **D**от ответственности: страдательная конструкция традиционно нацелена на сокрытие действующего лица. Выделение слов *orderi ten days* вводит новую фантазию – сценарий предварительного заказа книг в университетском магазине, предполагающий возможность его неоперативной обработки либо в издательстве, либо в магазине, но так или иначе сильно акцентированные «десять дней» должны

быть, а точнее, слыть достаточным для реабилитации **D**сроком. Обезопасив себя социально и дискурсивно импликатурой, указав на вероятные истоки проблемы (неоперативная обработка заказа), в (9-10) преподаватель прогнозирует решение проблемы к концу недели. Отметим, что и здесь есть любопытные приемы: в (9) эпистемическая пропозициональная установка *I hope* сняла категоричность прогноза, а из всей пропозиции вербализованным в первую очередь оказалось обстоятельство времени, да и то в форме указания не на конкретный момент, а на период времени. Все эти риторические средства дискурса были подчинены минимизации обязательств, принимаемых преподавателем.

Обмен (11-14) по-своему тоже интересен, особенно в аспекте изучения специфики многостороннего общения. Реплика (11) – простой инициативный ход и полифункциональный речевой акт: во-первых, вопрос о наличии возможности купить данную книгу прямо у **D**, а во-вторых, просьба продать авторский экземпляр. Реакцией на первую функцию высказывания (11) стал ход (13), а положительный ответ на косвенную просьбу, выраженную в (11), выводится как контекстуальная импликация из (14). Главной же достопримечательностью обмена можно смело назвать ход (12), своим появлением обязанный групповому характеру разговора и заставляющий задуматься о самом смысле понятия обмен.

Ход (12) оказывается непросто охарактеризовать как только инициативный или только реактивный, он обладает, правда, в разной мере, обоими этими качествами: улыбка **D**по ходу (13) явно предстает в качестве реакции на инициативность (12), а пара (13-14) замыкает отношение и к (11), и к (12). Не вызывает сомнения функциональная и формальная обусловленность (12) со стороны (11): экспликация из (12) может быть извлечена только посредством восстановления эллипсиса на основании контекста (11), и чисто когнитивно, даже как эмоциональная реакция, (12) обусловлен со стороны (11), а уж ирония, начиная с реактивного междометия *ooh*, может быть интерпретирована только в связи с предыдущей вопросительной просьбой. Рассматривая (11-12) в

терминах теории релевантности, мы обнаружим, что они связаны отношением контекстуально зависимого усиления. По отношению к предшествующему (11) ход (12) реактивен, но по отношению к (13-14) он выполняет инициативную функцию.

Это напоминает, но лишь отчасти, подхват, похожий на то, что случилось на стыке **M4** и **J5**. Аналогия ограничивается тем, что в сложном обмене оба хода **M11** и **R12** выполняют схожую инициативную роль по отношению к реактивной части (13-14). А разница состоит в том, что **J5** вполне мог бы иметь место без **M4** или же параллельно ему, фактически относительно независимо. Ни уместность **R12**, ни его интерпретация независимо от **M11** не просто маловероятны, но и практически невозможны. Поэтому и (11), и (12) рассматриваются как два самостоятельных хода, несущих качественно разную функциональную нагрузку в структуре обмена, в отличие от (4) и (5), функционально объединяющихся в одном сложном реактивном ходе.

Для того, чтобы наиболее полно выразить функциональное своеобразие хода (12) в структуре обмена (11-14), можно обозначить его как реактивно-инициативный и схематично записать RI, [ср.: **R/I**; response/initiation–Stubbs 1983: 131]. Реактивная импликатура – косвенный ответ на (11) и в меньшей степени (12) сосуществует с инициативной экспликатурой и в (14). Поэкспериментировав с диалогом, посмотрим, что происходит, если вдруг «убрать» ход (13), эксплицирующий предварительные условия или прагматическую пресуппозицию просьбы: единственного хода (14) оказывается вполне достаточно для нормального завершения всего обмена, что отводит акту (13) роль вспомогательного хода в сложном (13-14). Этим же следует оправдать включение (14) в данный обмен, хотя с учетом следующего за ним молчания («знака согласия») можно говорить о четвертом обмене в первой транзакции. Конец транзакции выделен экстралингвистически (действиями **D**).

Таким образом, завершая обсуждение особенностей первой транзакции, можно сделать вывод о многомерности как функциональных, так и формально-структурных отношений различных единиц в разнообразных смысловых

плоскостях всего совокупного объема «дискурсивного пространства» [Макаров, 2003, с. 224-235].

2.2.4. Вторая транзакция

Вторая транзакция, охватывая ходы (15-30), прагматически и предметно-тематически тесно связана с первой. По предмету и глобальной теме вторая транзакция развивает первую: здесь речь все еще идет о книгах, но в этом случае – о всех, подобранных в комплекты сопровождаемых составленным **D** пакетом учебно-методических материалов для прохождения данного курса, чему соответствуют прямая номинация *one set* в (20), отрицательное описание *anything at all from the list* (23), почти катафорическое по форме, уточненное следующим ходом (24) *neither the book snort the package*, наконец, последнее непосредственное упоминание в (27) *one set*. Но эта общая тема получает новую перспективу или точку зрения, которую привносит **P**. Эта новая «тема фантазии» соответствует еще одному факультативному варианту развития модели обеспечения студентов необходимой литературой: данный дискурсивный сценарий эксплицирует норму, принятую в среде существования нашей группы, а именно – социальном институте «университет». Ее суть сводится к тому, что, несмотря на то, что в подавляющем большинстве случаев студенты покупают книги и другие материалы в магазинах университета или у старшекурсников (купить учебник у автора не столь вероятно), в принципе возможно пользоваться библиотекой, где должен находиться минимум один «контрольный» экземпляр каждого издания, рекомендованного для того или иного курса. В этом случае литература помещается в специальный зал (*reserve*), откуда книги не выносятся, а время работы с ними ограничено. Эта ситуация и стала референтной во второй транзакции по воле **P**.

Дискурсивная модель (альтернативная «сценарию покупки») использования контрольного экземпляра в библиотечном резерве реализуется не только в перечисленной выше лексике, которая указывает на комплект книг и пакет методических материалов, но и в синтаксисе бытийных конструкций с обо-

значением места, близких по своему грамматическому значению к конструкциям обладания: определяющим фактором для развития всей второй транзакции явилась экспликация предиката и двух аргументов референтной ситуации в (20) *–to have one set in the library*, чем и была задана глобальная тема транзакции, получившая импульс в (23) *they didn't have any thing at all*, в неполном ходе (26) *there must be–*, конструирующем деонтическую модальность нормы с анафорическим указанием на место, и наконец, в синтаксисе и лексике хода (27): *I'll arrange to put at least one set in the reserve*, чем восстанавливается норма, которая наполняется конкретным смыслом – сколько будет контрольных экземпляров и где. Связь синтаксиса и лексики в этих высказываниях очевидна – этим во многом обеспечиваются и локальная грамматическая когезия, и глобальная тематическая когеренция (минимум – в той мере, в какой это свойственно спонтанному устному разговору).

С интеракционной точки зрения и вторая транзакция может быть рассмотрена как решение проблемы. Основные фазы этого процесса как раз и соответствуют тем ходам, где синтаксически и лексически полнее представлена модель предметной ситуации: после привлечения внимания ходами (15-16) и предварительной аргументации (17), в (20) поставлен вопрос о возможности иметь книги в библиотеке (здесь обратим внимание на вопросительную форму, модальный оператор этой пропозициональной установки); вопрос обоснован достоверностью свежего личного опыта **Рв** (21) и подводит к формулировке проблемной ситуации в (23-24); **Дв** (25) своим недоумением, в (26) мимикой и эллиптическим ходом подтверждает проблемность ситуации как следствие нарушения нормы (обратим внимание уже на повествовательный синтаксис и сдвиг модальности в сторону долженствования). Ход (27) – это вариант решения проблемы (отсюда – будущее время), его форма *tag-question* обусловлена необходимостью принятия решения **Ри** всей группой, что и произошло в акте благодарности (28) и ходах (29) и (30), выражающих одобрение и коллективное принятие решения на основе консенсуса.

Вторая транзакция тоже может быть рассмотрена как ряд обменов, хотя ее структура заметно отличается от первой. Может показаться, что ее семантико-прагматическую основу составляет один сложный, диалогический обмен «просьба – обещание» в диаде между **Ри Д**, дополненный периферийными ходами **С** и **Е**. Основанием для столь смелого заявления служит тот факт, что высказывания **Рв** отрезке с хода (15) по (24) в смысловом отношении как бы формируют сложную «инициативную реплику», подкрепляемую сигналами обратной связи со стороны **Д**: (18) и (22). Далее картина меняется в противоположную сторону: в (25-27) говорит уже **Д**, **Р** откликается в (28) и лишь после этого в дискурсе «отметились» **С** и **Е**.

Однако более тщательный анализ вносит свои коррективы, и то, что кажется одним большим обменом, на самом деле должно быть рассмотрено как взаимодействие двух стратегий **Ри Д**, а не как сочленение лишь двух сложных коммуникативных ходов. В этом не так трудно убедиться, приглядевшись уже к первым ходам во второй транзакции.

Обращение, которое немногими исследователями выделяется в самостоятельный тип речевого акта вокатив [ср.: Богданов 1989: 29; Сусов 1980], что в классификации Б. Фрейзера рассматривается как вокативный прагматический маркер дискурса [vocative marker–Fraser 1996], открывает всю транзакцию, намечая двух главных ее участников и маркируя начало первого обмена. Нелишне напомнить – сразу после первой транзакции **Д** начал убирать свои бумаги со стола в портфель (недвусмысленный знак окончания коммуникативного события в целом), и обращение выполняет важнейшую функцию как контактоустанавливающий регулятив, привлекая внимание **Ди** эксплицитно «назначая» его в качестве адресата. Обращение, произнесенное с высоким падающим тоном и отделенное паузой, имеет признаки самостоятельного метакоммуникативного хода и может быть квалифицировано как вызов – один из вариантов открытия обмена (opening) наряду с обрамляющим и фокусирующим ходами, что характерно для метакоммуникативных обменов, организующих дискурс.

С точки зрения социально-психологического климата группы и ее культуры, по Э. Борману, обращение не просто (вос)создает, конструирует отношение между говорящим, адресатом и всеми остальными, оно служит важнейшим символом в человеческом общении, универсальным ключом контекстуализации, той самой «драматической фразой» или «темой фантазии», которая в одном-двух словах сконцентрировала целый социальный мир и прямо ведет к символической конвергенции, т.е. в intersубъективное феноменологическое пространство членов речевой общности. Обращение, пожалуй, как ни одно другое слово, инициирует так много ассоциаций, инференций, экспектаций и антиципации, и поэтому служит одним из центральных элементов социального дейксиса, что подтверждается и в данном примере ходом (15).

Итак, как дискурсивно-психологический регулятив, вызов-обращение (15) в сочетании с (16) оказался успешным. Ход (16) также по праву можно классифицировать как обрамляющий, он выполняет не тематическую, а лишь подготовительную функцию по отношению к инициативной части обмена, но не тематизирует открывающее обмен действие, как это делает фокусирующий ход. Успех (15-16) подтверждается изменением поведения **D**, что можно было бы назвать поведенческим ходом, поскольку изменение деятельности **D** реактивно – как символ переключения внимания на реплику **P** и как контактоустанавливающий сигнал обратной связи, хотя могут быть и сомнения в правомочности приписывания ему статуса отдельного хода.

Ход (17) после метакоммуникативной профилактики (15-16) должен был бы быть инициативным, однако **P** прибегает к очень уж косвенной стратегии ввода темы, предварительно обосновывая ее личностную релевантность, аргументируя в (17) достаточность причин, побудивших его к вступлению в разговор. Только когнитивная модель предметной ситуации в целом, составляющая общее знание участников коммуникации, здесь может служить основанием для инференций, позволяющих установить смысловую связь между сообщением о финансовых трудностях **P** и непосредственным ко-текстом (17), особенно его правой, последующей частью, потому что **P** пользуется методом

инвертированной аргументации от аргумента к тезису. Ключами контекстуализации в (17) стали лексемы *money* и *semester*, так как именно они входят (по крайней мере, потенциально) в модель покупки учебников и инициируют инференционное обеспечение оптимальной релевантности.

Косвенность стратегии **P** и его контактоустанавливающие усилия в (15-16) обусловили необходимость отклика со стороны **D**, хотя в данном контексте (18) не просто маркирует внимание к высказываниям **P**, но выражает готовность признать аргумент **P**. Своим откликом (18) **D** санкционирует ввод локальной темы **P**: в (18) видна легкая императивность на уровне диалогической регуляции.

Получив санкцию на собственную тему и право голоса, **P** не торопится высказаться, начав с образцового фокусирующего хода (19). Косвенность его стратегии подкреплена фальстартом (19) и вопросительностью просьбы (20). Только после этого следует небольшой нарратив, инициация которого в (21) вновь получает положительный отклик со стороны **D** в маркере обратной связи (22). (23-24) завершает изложение проблемной ситуации, а слово переходит к **D**, поскольку именно от него ожидается оценка ситуации. И таковая следует, и даже не одна: (25) – эмоционально-аффективная оценка сообщения; (26) содержит деонтическое основание проблемности ситуации и квалифицирует ее как «нарушение нормы» благодаря слову *must*; пауза и *uhm* в сочетании с мимикой и жестами усиливают оценку и дают чуть-чуть времени для поиска варианта решения. Кстати, пауза ограничивает два «вставных» обмена (21):(22) и (23+24):(25+26) в структуре сложного обмена, функционально подчиненного коллизии между (20) и (27).

Примечательно, что и здесь пауза остается невостребованной для смены говорящих: как и в первой трансакции, только **D** был в позиции компетентного и главное – самого полномочного члена группы, способного решить данную проблему. Своим ходом (27) он берет на себя обязательство совершить действия, ведущие к решению проблемы: как и в (9), конструкция с глагольной заставкой *I'll arrange to put* подчеркивает отстраненность **D** от «не его» роли

непосредственного исполнителя решающего данную проблему действия (помещения книг в резервный зал библиотеки), в чем угадывается защита «Я».

Функционально многие ходы в этой транзакции практически сводимы к макрообмену (20) : : (27) : : (28) в типовой рамке «просьба – обещание – благодарность», остальные выполняют три главных роли: поддерживающие, риторические, аргументирующие ходы в составе макроактов просьбы и обещания; метакоммуникативные ходы и ритуальные формулы вежливости.

Любопытно завершение транзакции: благодарность Р (28) и выполняющий аналогичную функцию комментариев С (29) явно реактивны по отношению к (27), но ход (30), будучи обусловлен тем же (27), включает маркированный компонент согласия *ure*, который может быть соотнесен только с (29), что следует и из семантики положительной оценки полезности предполагаемого обещанного действия. (30) – своего рода «эхо» предыдущего хода. Такие явления характерны для группового общения, но не для диад.

Далее сделаем несколько принципиально важных наблюдений о статусе категории «обмен» и структурности обменов.

Традиционно в научном и обыденном сознании слово «обмен» понимается довольно примитивно, если не сказать механистически, как бинарное сочетание двух соположенных действий, исходящих попеременно от двух участников взаимодействия и имеющих взаимно противоположную направленность. Это дает формально-структурное определение обмена на уровне социальных действий: если в практике выделяется акт S «просьба» по отношению к Я, за чем следует противоположно направленный акт Я «отказ» по отношению к S, то мы вроде бы вправе выделить эту структуру в качестве элементарного обмена. Даже несмотря на то, что такой подход уж очень напоминает бихевиористскую модель «стимул-реакция», он присутствует в многочисленных работах по дискурсивному анализу. В довершение всего вертикальная запись дискурса как набора парных инициативных (читай – стимулов) и реактивных (тут и так ясно) актов или ходов создает иллюзию структурной автономности обмена. Этнометодологи попытались обойтись без

термина «обмен», но их *adjacency pair* в принципе несет все те же импликации, в особенности идею пространственно-временной соположенности соседних ходов.

Из анализа ясно, что в минимальной (т.е. нечленимой далее) смысловой структуре коммуникации ходов (социальных актов) может быть более двух, соответственно, участников взаимодействия – авторов этих ходов тоже может быть более двух. Значит, не выполняются принципы бинарности и обоюдонаправленности действий. Не работает идея соположенности обменных актов: коммуникативные ходы, входя в функционально-смысловое отношение обмена, не обязательно располагаются непосредственно один за другим.

В то же время не стоит отказываться от термина «обмен», на это нет причин. Надо только лишь перенести центр тяжести в его определении с формально-структурных критериев на другие – функционально-смысловые. Весь анализ общения в группе показывает, что «обменные» отношения замыкают цикл (вос)производства intersубъективности в комплексе социальных интеракций, действительно происходит «обмен» символических смыслов, имеющих социально-культурную и психологическую отнесенность. С точки зрения языка и когнитивности, как раз в обмене сосредоточена игра активации и внимания, динамика фокуса и локальной темы.

Говоря о структуре обменов, следует прежде всего отметить ее многомерность, исчезающую в рисунке примитивных схем типа IR, I(RI)R, IRF, I(RI)RF.

Так не только недопустимо упрощается весь комплекс связей между двумя (и более) высказываниями, но и создается иллюзия смысловой самодостаточности обменов, их функциональной или структурной самостоятельности. Весь предшествующий анализ показал, что то или иное речевое действие обусловлено не только, а иногда и не столько своим «стимулом», сколько целым предыдущим обменом, широким дискурсивным ко-текстом или внелингвистическим контекстом, инференциями, выводимыми из высказываний, молчания, опыта, эмоций, перцептивной и социально-когнитивной сфер психики коммуникантов. В этом смысле обменные

отношения intersубъективности или коллективной рефлексивной мыследеятельности связывают ходы (20) и (27) как просьбу и обещание. Именно поэтому (20) в большей мере определяет и стимулирует (27), чем (21) или (24). Принципиально тот же механизм действует и на локальном уровне в обменах типа (21-22), где контактная обусловленность одного коммуникативного хода другим предстает как некоторая психофизиологическая данность, как непосредственная реакция. И все же корректнее даже в таких случаях рассматривать обменный механизм как своего рода переговорное устройство для поддержания «баланса» личностных проекций в коллективном феноменологическом поле.

Главными выводами из анализа фрагмента речевого события можно считать подтверждение основных идей работы о наличии когнитивно-интеракционных оснований или коррелятов у главных единиц дискурсивного анализа, в частности, у обмена и трансакции; а также о возможности дискурсивно-психологического переосмысления коммуникации в свете идей социального конструкционизма, преодолевающего рационализм традиционных схем. Дискурсивное конструирование личностных версий социального мира отражает когнитивную предрасположенность личности или группы в конкретный момент коллективной мыследеятельности. Такой подход позволяет уточнить и исправить целый ряд коммуникативно-лингвистических «аксиом».

Во-первых, обмен не должен рассматриваться как формальное двуединство обоюдонаправленных актов: новое функционально-смысловое определение данной единицы допускает коллективное авторство обмена тремя и более коммуникантами в трех и более ходах – минимальном «переговорном» блоке, поддерживающем должный уровень intersубъективности.

Во-вторых, репертуар коммуникативных ролей участников общения оказывается намного шире и разнообразнее, чем просто говорящий, адресат и слушающий. Рост числа участников коммуникации обуславливает высокую вариативность дискурса за счет увеличения вероятных и допустимых продолжений каждого хода.

В-третьих, при этом интеракционно возрастает значение тех, кто в данный момент не принимает участия в «говорении». Все это существенно меняет регулятивные и метакоммуникативные аспекты дискурса, увеличивая полифункциональность его элементов [Макаров, 2003, с. 235-242].

Вопросы для самоконтроля

1. Как соотносятся термины «текст», «речь», «дискурс»?
2. Какие направления исследования в наибольшей мере способствовали появлению и развитию дискурсивного анализа?
3. Каковы основные задачи дискурсивного анализа в отличие от других современных направлений исследования (конверсационного анализа, лингвистики текста, социолингвистики и др.)?
4. Какие трудности возникают у исследователя при сборе и обработке материала исследования?
5. Какова причина многообразия единиц дискурсивного анализа? Чем отличаются единицы коммуникативного дискурсивного анализа от единиц интерпретативного дискурсивного анализа?
6. Возможно ли синонимичное употребление терминов «когезия» и «когеренция» дискурса?
7. Как проявляется глобальная когеренция?
8. Имеются ли когнитивно-интеракционные корреляты у единиц дискурсивного анализа?
9. Пользуясь транскриптами, представленными в корпусе американской разговорной речи, выполните интерпретативный дискурсивный анализ устного дискурса на основе методики, предложенной М.Л. Макаровым.
10. Пользуясь художественным дискурсом (на ваш выбор), выполните коммуникативный дискурсивный анализ различных типов речевых / макро-речевых актов (упрека, согласия / несогласия, отказа и т.д.) на основе теории речевых актов.

Список использованных источников

1. Борботько В.Г. Элементы теории дискурса [Текст] / В.Г. Борботько. – Грозный, 1981.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений [Текст] / Л.С. Выготский. – М., 1982.
3. Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989.
4. Дейк Т.А., ван. К определению дискурса (1998) [Электронный ресурс] / Т.А. ван Дейк. – Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз.рус. – (Дата обращения: 25.05.2014.).
5. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XXв. [Текст] / В.З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века : сб. статей. – М. : Рос.гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 239-320.
6. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политической филологии (2002) [Электронный ресурс] / В.З. Демьянков. – Режим доступа: <http://www.gumer.info/ bibliotek Buks/Linguist/Article /DemPolDisk.php>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз.рус. – (Дата обращения: 20.05.2014.).
7. Колобова А.А. Социопрагматика корпоративного дискурса (на примере текстов корпоративных кодексов американских компаний) [Текст] : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.А. Колобова. – Хабаровск, 2008.
8. Костюшкина Г.М. Концептуализация и категоризация в языке [Текст] / Г.М. Костюшкина [и др.]. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2006.
9. Макаров М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М.Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003.
10. Почепцов Г.Г. Фатическая метакоммуникация // Семантика и прагматика синтаксических единств [Текст] / Г.Г. Почепцов. – Калинин, 1981. – С. 52-59.
11. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения [Текст] / А.А. Романов. — М., 1988.

12. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиа́текст» [Текст] / Г.Я. Солганик // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика, 2005. – № 2. – С. 7-15.
13. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности [Текст] / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века : сб. статей. – М. : Рос.гос. гуманит. ун-т, 1995. – С. 35-73.
14. Чхетиани Т.Д. Метакоммуникативные сигналы слушающего в фазе поддержания речевого контакта // Языковое общение: Единицы и регулятивы [Текст] / Т.Д. Чхетиани. — Калинин, 1987. — С. 103—107.
15. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст] :дисс. ... д. филол. наук : 10.02.19 / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000.
16. Brown G., Yule G. Discourse Analysis [Text] / G. Brown, G. Yule. – Cambridge, 1983.
17. Dijk T. A. van Discourse as Structure and Process [Text] / T. A. van Dijk T. A. – London, 1997(a).
18. Dijk T. A. van Discourse as Social Interaction [Text] / T. A. van Dijk T. A. – London, 1997(b).
19. Leech G.N. Explorations in Semantics and Pragmatics [Text] / G.N. Leech. — Amsterdam, 1980.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

1. Словарь лингвистических терминов (СЛТ) [Текст] / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М. : КомКнига, 2005.
2. Языкознание. Большой энциклопедический словарь (БЭСЯ) [Текст] / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998.
3. Longman Dictionary of English Language and Culture (LDELС) [Text]. – Harlow : Longman Group UK Limited, 1992.
4. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (MEDAL) [Text]. – Oxford : Macmillan Publishers Limited, 2005.

Содержание

Введение	3
1. Теоретическая часть	4
1.1. История употребления термина «дискурс». Дискурс и текст: соотношение понятий	4
1.2. Дискурсивный анализ: источники и составные части	9
1.2.1. Идейные предшественники современного дискурсивного анализа.....	9
1.2.2. Термин «дискурсивный анализ». Задачи дискурсивного анализа.....	15
1.3. Методология дискурсивного анализа	17
1.3.1. Общие проблемы сбора материала. Репрезентативная выборка и триангуляция	18
1.3.2. Общие проблемы транскрипции. Критерии и принципы транскрипции	20
1.3.3. Парадокс наблюдателя	26
1.4. Единицы дискурсивного анализа	27
1.4.1. Многообразие и статус единиц дискурсивного анализа	27
1.4.2. Единицы коммуникативного дискурсивного анализа.....	28
1.4.3. Интеракционные единицы дискурсивного анализа.....	30
1.5. Категории дискурсивного анализа	32
1.5.1. Мена коммуникативных ролей.....	32
1.5.2. Коммуникативная стратегия.....	34
1.5.3. Когезия и когеренция дискурса	36
1.5.4. Метакоммуникация и дейксис дискурса.....	38
2. Практическая часть	44
2.1. Пример коммуникативного дискурсивного анализа.....	44
2.1.1. Американский корпоративный дискурс как пропозициональная структура	44
2.1.2. Категория референции в макро-речевых актах американского корпоративного дискурса	48

2.2. Пример интерпретативного дискурсивного анализа.....	53
2.2.1. Этнографический протокол ситуации.....	53
2.2.2. Транскрипт.....	54
2.2.3. Первая трансакция.....	55
2.2.4. Вторая трансакция.....	66
Вопросы для самоконтроля.....	75
Список использованных источников.....	76

Людмила Витальевна Ермакова,

канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков АмГУ

Дискурсивный анализ. Учебное пособие.

Усл. печ. л. 4,65. Заказ 524.